

АНДРЕЙ
ТРОЦКИЙ

МОСКВА

1979

Шпион особого назначения

Андрей Троицкий

Москва 1979

«Андрей Троицкий»

2019

Троицкий А. Б.

Москва 1979 / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2019 — (Шпион особого назначения)

Лето и осень 1979 года. Москва готовится к Олимпиаде, из столицы вытряхивают бомжей, жуликов. Москва хорошеет, но мало кто видит темную изнанку жизни... В доме скупщицы краденого обнаружена сумка с вещами иностранца, а в ней негативы секретных чертежей подводной лодки Акула. У сотрудников КГБ нет ничего кроме личных вещей неизвестного мужчины, бумажного обрывка какого-то билета и потертого ремешка от часов. Казалось бы, найти человека, который продал иностранцу секретные чертежи, — шансов нет. Но упорная работа и немного везения дают результат. Круг подозреваемых медленно, но верно сжимается. Теперь у шпиона нет шансов уйти. Но судьба переворачивает шахматную доску и предлагает сыграть партию по новым правилам. Роман основан на подлинных событиях, прообразами чекистов и их врагов стали реальные люди.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	47
Глава 14	49
Глава 15	52
Глава 16	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Троицкий

Москва 1979

© Андрей Троицкий

Глава 1

Дежурную оперативную группу КГБ вызвали на место происшествия в воскресенье в начале одиннадцатого ночи. Клубился туман, моросил дождь. Машина прибыла через полчаса, остановилась на обочине, осветив фарами милицейский "уазик", машину "скорой помощи", покосившийся штакетник забора. С этой стороны дороги – старые дома, уже назначенные под снос, с другой стороны подступили новостройки. Из темноты слышен стук колес товарняка и короткий гудок электрички, отсюда пешком до станции Лосиноостровская, – всего минут десять, не больше.

Приземистый деревянный дом с застекленной верандой стоял в глубине участка, за старой яблоней, все окна освещены, занавески задернуты. Из машины вышел капитан госбезопасности Иван Лебедев и молодой лейтенант. По узкой тропинке прошел к дому, поднялся на крыльцо, предъявил служебное удостоверение милиционерам. Тут на порог выскочил старший следователь районного управления внутренних дел майор милиции Сергей Стеклов, невысокий средних лет человек в форме. Заметно волнуясь, скороговоркой он выпалил, что он тут старший, и в КГБ звонил он.

Стеклов провел контрразведчиков на кухню, где, пристроившись за столом, один милиционер составлял протокол осмотра места происшествия, другой сидел рядом и что-то негромко говорил, в углу курил пожилой дядька в синем халате и очках, державшихся на кончике носа, – судебный эксперт. При появлении офицеров КГБ вся замолчала и уставилась на Лебедева. Стеклов решил, что тут говорить неудобно, – слишком много людей, – и потащил контрразведчиков дальше, через гостиную в одну из спален.

Он плотно прикрыл дверь, встал под люстрой, решая, с чего начать. Стеклов был не мастак складно говорить, но ремесло сыщика знал. Комната была не слишком велика, обставлена импортной мебелью, которую просто так в магазине не купишь: полированные румынские шкафы под старину, инкрустированные блестящими полосками латуни, комод, столик с зеркалом, широченная кровать, занимавшая половину комнатного пространства. Поперек кровати на боку лежала женщина в коротком сиреновом халатике из искусственного шелка, выющиеся каштановые волосы растрепались и спутались. Ноги стройные загорелые, женщина уткнулась в скомканную простыню, покрытую бордовыми пятнами, согнула ноги, прижала окровавленные ладони к животу. Лебедев оторвал взгляд от мертвой женщины и закурил.

– Инга Белова, была скупщицей краденого, – негромко сказал Стеклов. – Тридцать шесть лет, дважды судима. Судя по температуре тела, смерть наступила приблизительно шесть часов назад от множественных ножевых ранений и потери крови, – это мнение эксперта-криминалиста. Орудие убийства, кухонный нож, найден под кроватью. Соседи опрошены. Картина в общем и целом ясная. У Беловой был сожитель, некий Иван Бедун, который отбывал срок за кражу. Освободился две недели назад и вот нагрязнул. Он ей с зоны писал, чтобы ни-ни... Но Белова женщина интересная, отзывчивая на ласку...

– Ну, майор, давайте без лирики... Какое отношение эта баба, покойная, имеет к нам, Комитету государственной безопасности?

Стеклов вытащил из шкафа и поставил на пол спортивную сумку, темно синюю из плотной ткани на молнии, с пристяжным кожаным ремешком.

– Внутри в отдельном кармашке четыре кассеты с фотопленками, – Стеклов вытащил их и расставил на комод. – У милиции есть инструкция. Если на месте происшествия найдены какие-то вещи, которые... Словом, мы нашли эту сумку с иностранными вещами. Документов нет. Но в сумке кассеты с негативами, уже проявленными. Я одну открыл, посмотрел на свет, там какие-то чертежи или схемы. Думаю, иностранца обворовали, вещи принесли покойной Беловой, на продажу. Может, напрасно я вам позвонил, но...

– Вы правильно поступили, товарищ майор. Где негативы? Какую кассету вы открывали?

Лебедев снял крышку с кассеты. Внутри две пленки с проявленными негативами, скрученными в рулончики, тридцать шесть кадров в каждом. Он долго смотрел негативы на свет. Понять, что изображено, – непросто. Какие-то чертежи, но что за чертежи... Пленка бытовая, отечественного производства, такой шпионы не пользуются. Затем он вытащил из сумки вещи, разложил их на спинке кровати. Несколько рубашек, все фирменные, почти новые. Три пары летних брюк, в отдельном пакете белье, ботинки из плетеной кожи. Видно, что вещи дорогие. Молодой лейтенант, не проронивший ни единого слова, стоял возле двери и хмурился.

– До утра составьте протокол изъятия на носильные вещи и негативы, – приказал капитан Лебедев. – Как только оформите документы, позвоните дежурному КГБ по городу. За бумагами и вещами приедет наш человек.

Контрразведчик подумал, что иностранный шпион не станет таскать в сумке с носильными вещами что-то важное. Скорее всего – пленки с чертежами, просто недоразумение, имеющее простое логическое объяснение. Он выкурил еще одну сигарету, осмотрел комнату, бегло, без видимого интереса, задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что они с лейтенантом уезжают.

* * *

Вещи, изъятые в доме покойной Инги Беловой, сутки находились в распоряжении сотрудников управления КГБ по Москве и Московской области. Рапорт капитана Лебедева о сумке с вещами и негативах прочитал начальник управления генерал-лейтенант Сергей Иванович Лидин. На первый взгляд, происшествие не заслуживало внимания чекистов, но интуиция контрразведчика подсказывала, что за бытовым убийством и этими странными находками может скрываться нечто более серьезное. Лидин приказал немедленно забрать все следственные материалы из милиции и разобраться в этой истории своими силами.

За следующие сутки оперативники КГБ успели опросить сотрудников гостиниц, навести справки в Главном управлении внутренних дел Москвы и выяснили, что за последние две недели краж личных вещей у иностранцев не было зарегистрировано. Мало того, в отношении иностранцев в Москве вообще не было зарегистрировано ни одного противоправного действия. Но откуда тогда взялась эта сумка, набитая фирменными вещами... Одежда дорогая, известных производителей, в основном американских. Может быть, надо пойти другим путем, допустить, что вещи принадлежали гражданину СССР. Он бывал по службе за границей, в капиталистических странах, точнее в США.

Однако советский человек, побывавший в Соединенных Штатах, вряд ли наберет денег на столь дорогие покупки, и уж точно не станет сорить валютой, покупая семь пар очень шелковых трусов, – за эти деньги можно взять пару джинсов и рубашку в придачу. Нет, наш человек расчетлив в тратах, у него нет денег на глупости, – трусы, которые по советским меркам, стоят целое состояние. Сумка принадлежала иностранцу, – из этого надо исходить, в этом направлении копать. Но почему обворованный или ограбленный иностранец не заявил в милицию?

Кассеты с негативами ушли в техническое управление КГБ, в сопроводительном письме перед экспертами поставили ряд вопросов, первый из них: что это за чертежи? Утром четвертого дня эксперты представили свое заключение. Бумага была составлена в одном экземпляре, получила гриф "совершенно секретно", она не попала в управление по Москве и Московской области, а легла на стол Председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. Уже через два часа в кабинете прошло совещание, на которое пригласили всего несколько человек.

Андропов поднялся из кресла и коротко сообщил, что в сумке с вещами, предположительно, похищенной у неизвестного иностранца, обнаружены четыре кассеты с негативной фото пленкой. В каждой кассете две пленки по тридцать шесть кадров каждая. На негатив-

вах особо секретные объекты проекта 941, святая святых советского военно-морского флота, новейшего стратегического атомного подводного крейсера типа "Акула", по западной классификации – "Тайфун".

Первая лодка этой серии должна сойти со стапелей в Северодвинске в следующем году, можно не стесняться высоких слов, и сказать ясно и твердо, это совершенно уникальная, самая большая в мире подводная лодка, которая кардинальным образом изменит соотношение сил между флотом СССР и США, а также соотношение ядерных вооружений во всем мире. Американцы, насколько нам известно, давно пытаются подобраться поближе к этой разработке, но тщетно. Они получили лишь некоторые самые общие сведения о "Тайфуне", – но и эта общая поверхностная информация привела их в состояния паники.

Повисло молчание. Андропов сел и попросил заместителя начальника оперативно-технического управления генерала Феликса Зуева, владеющего темой, дополнить рассказ. Зуев сказал, что лодка не знает аналогов, длина 170 метров, ширина около 24-х, она имеет два прочных корпуса, соединенных тремя переходами. Экипаж – сто пятьдесят человек. Лодка вооружена в общей сложности тридцатью противолодочными и противокорабельными торпедами. Но главное – двадцатью первыми советскими межконтинентальными ракетами морского базирования на твердом топливе Р-39 "Вариант" или СС-Н-20 по классификации НАТО, разработанными в КБ "Машиностроение" под руководством академика Виктора Петровича Макеева.

Пусковые шахты находятся между двух корпусов лодки перед рубкой. Каждая ракета имеет двадцать метров в длину и два метра в диаметре, весит 90 тонн, трехступенчатая, с шестью – десятью разделяющимися боеголовками индивидуального наведения мощностью до 500-сот килотонн в тротиловом эквиваленте. Дальность – около девяти тысяч километров. Одна такая боеголовка превратит в пыль, например, Нью-Йорк. В лодке воплощены самые передовые разработки нашего времени. Теперь нет необходимости, соблюдая режим тишины, подходить к территории вероятного противника, чтобы нанести разящий удар. Выпуск ракет практически из любой точки мирового океана, "Тайфун" полностью покрывает всю территорию США.

Ракетносец способен, например, пробить льды на Северном полюсе и всплыть, или из подводного положения выпустить двадцать ракет и стереть с лица земли все крупнейшие города США. А затем уйти на глубину до шестисот метров. На фотонегативах представлены чертежи атомного реактора, – на лодке таких два, – а также паровых турбин и другого оборудования лодки, в том числе шахт баллистических ракет, схем электрических приборов и кое-что еще. Фотографии сделаны на бытовую пленку, предположительно советскую. Это пока все.

Андропов сказал, что вынужден будет доложить о случившемся на самый верх, лично Леониду Ильичу Брежневу. Скрывать такой провал у него нет права. Нужно думать, как исправить положение. Немедленно, не теряя ни минуты, надо создать оперативную группу из лучших чекистов, и поставить задачу. Первое – выяснить личность хозяина вещей. Наверняка он уже покинул СССР, но любая информация о нем очень важна. Второе, – установить личность человека, сделавшего фотографии и передавшего или продавшего их иностранцу.

Круг лиц, имеющих доступ к чертежам лодки, весьма ограничен, они живут, как правило, в закрытых городах, если едут в Москву или в отпуска, находятся под опекой контрразведчиков, контактов с иностранцами, общения с незнакомцами – лишены. Впрочем, еще не факт, что один и тот же человек пользовался доступом к чертежам и продает военные тайны иностранцам. Скорее, наоборот, это разные люди. Но строить предположения – дело неблагоприятное. На все вопросы должно дать ответы начатое расследование. Поиски необходимо проводить в режиме строгой секретности, – это одно из важнейших условий успеха.

Во избежание хоть какой-то утечки информации целесообразно не создавать следственную группу, а поручить дело опытному оперативнику, наделив его самыми широкими правами и полномочиями. Встал вопрос о чекистах, которые могли бы провести такую операцию.

Начальник Второго главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Григорий Федорович Григоренко сказал, что в его управлении контрразведки много достойных людей, которые справятся с задачей, – в этом нет сомнения. Но он хотел бы предложить кандидатуру майора контрразведки Алексея Гончара, за этого человека готов поручиться.

– Почему именно он? – спросил Андропов.

– Гончар – человек еще молодой, – ему только исполнилось сорок два, – но оперативник с большим опытом, – ответил Григорий Федорович. – Он хорошо проявил себя в операции по выявлению двух физиков, завербованных американцами на международной конференции в Стокгольме. Правда, с сегодняшнего дня в отпуске, я сам приказ подписывал, но... Придется ему задержаться. Разумеется, Гончар получит все, что ему потребуется для дела. Связь, людей, допуск к любым, – самым секретным, – документам.

Андропов ответил, что Гончара он хорошо помнит, по кандидатуре замечаний нет. И еще: информацию по расследованию докладывать ежедневно во второй половине дня. Теперь он хотел бы увидеться с Алексеем Гончаром с глазу на глаз и переговорить.

Глава 2

Утром московскому корреспонденту газеты "Лос-Анджелес таймс" Полу Моррису позвонили из американского посольства и попросили зайти сегодня вечером, якобы на его имя пришла посылка, надо ее срочно забрать. Пол немного удивился, он не ждал никакой посылки, но вопросы задавать не стал, решив, – кто-то из посольства хочет с ним поговорить, но не по телефону, который слушает КГБ, а с глазу на глаз. Он побродил по квартире, выпил кофе на кухне, надел спортивный пиджак, темно-зеленый в черную клетку, и бежевые брюки.

Это был сорокалетний сухощавый мужчина с каштановыми вьющимися волосами, последние два года он состоял в разводе, одевался элегантно, интересовался живописью и пользовался успехом у женщин. От проспекта Мира, где находился корреспондентский пункт, до посольства на машине всего полчаса езды. Пол спустился в тесный двор, сел в машину. "Шевроле", цвета голубой металл, притягивал взгляды всех автомобилистов и прохожих, – американских машин на всю Москву всего десятка три-четыре.

В посольстве его встретил плотный человек с бритой наголо круглой головой и в очках. Он представился третьим секретарем Фрэнком Фелтоном, сказал, что он в Москве недавно, поэтому с Полом еще не успел познакомиться, хотя слышал о нем как о журналисте много добрых слов. Говорят, что у Пола острое перо, у него безупречная репутация в журналистских кругах и много врагов, но друзей все-таки больше. Фелтон предложил спуститься в подвал, в комнату для конфиденциальных разговоров, защищенную от прослушки.

Из мебели здесь был только длинный стол и несколько стульев. Портфель с бумагами и диктофоном, который Пол всегда таскал с собой, пришлось оставить за дверью. Фелтон сказал, что во время разговора будет присутствовать помощник консула некто Винсент Дорман, тут появился бесцветный блондин среднего роста лет сорока пяти, одетый в синий пиджак с блестящими пуговицами и яркий галстук. Он тепло улыбнулся, сказал, что для друзей он просто Винс, кстати, они уже встречались на посольских вечеринках, болтали об изящных пустяках, например, о русской авангардной живописи, даже выпивали. Возможно, на тех вечеринках выпито было слишком много, – Пол Моррис не смог вспомнить этого человека. Однако спорить на стал, сел за стол и оглядел голые стены, выкрашенные в бледно желтый цвет.

Винс принес кофе, закрыл дверь, сел в дальнем углу и стал листать какое-то толстое досье. Напротив Пола устроился и Фелтон, он пил кофе из большого бумажного стакана и вертел в руках карандаш.

– Небольшая просьба: содержание разговора не должно выйти за пределы этой комнаты, – сказал Фелтон. – Вы не против?

– Нет, разумеется.

– Я никогда не вел такие беседы с журналистами, опыта мало, – сказал Фелтон. – Чувствую, что получится не совсем гладко. Собственно, мы хотим попросить об услуге. Вы, разумеется, в курсе, что некоторые сотрудники посольства или консульства время от времени выполняют какие-то разовые поручения ЦРУ. Ну, скажем, надо что-то сказать нашим русским друзьям, что-то передать. Деньги, например. Или какие-то вещи. Нет, эти люди не профессиональные разведчики, они даже не получают вознаграждения за свою работу. Для такой практики есть свои причины. Все или почти все штатные сотрудники нашей разведки поименно известны русским. Поэтому, чтобы вывести их из-под удара, мы просим далеких от разведки людей что-то сделать для нас... Ничего опасного. Ничего криминального. Все в рамках закона. Ну, вы понимаете...

Фелтон стал разжевывать эту простенькую мысль. Подбирая слова, он шелкал пальцами, видимо, и вправду разговор давался ему непросто. Он объяснил, что сотрудничество с разведкой долг каждого патриота, особенно в наше время, когда холодная война может запро-

сто превратиться в войну реальную, в глобальный ядерный конфликт, который положит конец человеческой цивилизации. Фелтон человек практический, он не привык прятаться за общими фразами и рассуждениями, поэтому будет предельно откровенен: ему нужно знать, готов ли Пол изредка передавать при встречах или по телефону кое-какую информацию одному хорошему человеку, гражданину СССР.

Пол, перешагнув порог этой комнаты, уже догадался, о чем пойдет речь. Он ответил, что дорабатывает в Советском Союзе последние месяцы, в начале следующего 1980-го года он должен вернуться в США, поэтому для длительного сотрудничества с разведкой не подходит. У него нет опыта подобной деятельности, человек он рассеянный, память иной раз подводит. Фелтон был готов к возражениям. Он сказал, что тут специальных навыков не требуется, а сотрудничество не растянется на годы. Это всего лишь несколько поручений, которые на самом деле очень просты: передал кое-что на словах – и все.

Пол покачал головой, – он журналист, и сотрудничество с разведкой, даже разовое, – это против его принципов и убеждений. Фелтон сказал, что о принципах люди вспоминают, – не в обиду будет сказано, – когда это выгодно. И забывают принципы, когда выгодно. Но здесь разговор откровенный, надо сказать, что Пол живет и работает в Москве уже семь лет. По случаю он покупал картины мастеров русского авангарда, брал за сущие гроши. Затем, пользуясь расположением одного из сотрудников посольства, вывозил картины без таможенного досмотра, пользуясь дипломатическими каналами. Если называть вещи своими именами – это контрабанда. Сейчас у Пола в Москве еще добрых два десятка картин. И он ждет удобной okazji, чтобы вывезти их из СССР, однако сделать это будет затруднительно. Дипломат, друг Пола, срочно покидает Россию. Фелтон улыбнулся и сказал, что дружба с разведкой полезная штука. И, если эта дружба как-то наладится, – картины можно будет переправить в Лос-Анджелес в любое время.

– Слушайте, я не скупал эти картины, как вы говорите, по дешевке, – сказал Пол. – Я давал цену, которую просили законные владельцы картин. Я ничего не украл, никого не обманул. Мне называли цену, и я...

– Вывоз антикварных ценностей без ведома и без разрешения государства – это контрабанда, – это Винсент Дорман подал голос из своего темного угла. – Даже если вы пользуетесь услугами знакомого дипломата, багаж которого таможенники не имеют права досматривать. И вы все это прекрасно знаете.

– По-вашему, будет лучше, если эти картины сгниют где-нибудь на чердаке?

– Лучше перепродать их в Лос-Анджелесе и неплохо заработать. Чем вы и занимаетесь.

– Все коллекционеры продают и покупают картины.

Теперь слово взял Фелтон.

– Коммунисты знают о вашем хобби. Но вам не мешают. Как думаете, почему?

– А черт их разберет.

– Давайте кое-что вспомним, – Фелтон продолжал улыбаться. – Два года назад вы пережили процедуру развода. Понесли большие финансовые издержки. Раздел имущества, алименты... Но и после развода вы продолжаете жить на широкую ногу, не ограничили себя в расходах. Это наводит на размышления. Откуда столько денег?

– Источники моих доходов раскрыты в декларации о доходах. Я продал кое-что из своей коллекции. Немного заработал.

– Возможно, – улыбнулся Фелтон. – За те же два года вы опубликовали двенадцать больших статей об СССР, вы отзываетесь о стране советов весьма позитивно. Можно сделать вывод, что ваши симпатии к коммунистам – не бескорыстны. Я ничего не утверждаю, мало того, я уверен, что вы честный человек. И ваша дружба с коммунистами не основана на материальном интересе. Но факты... Жизнь такая штука: достаточно посеять зерно сомнения – и все. Репутация человека уничтожена навсегда.

– Вы способны на такую подлость? – спросил Пол, чувствуя, как дрожит его голос.

– Не я. Скажем так: у вас есть недоброжелатели. И это влиятельные люди. Но мы, хорошие парни, защитим ваши интересы. Если вы сделаете шаг навстречу.

Поднялся Винсент Дорман, он сказал, что принесет кофе и еще кое-что пожевать, разговор, видимо, будут долгим. Он быстро вернулся поставил на стол тарелку с бутербродами и кофейник. И снова занял место в темном углу, но к папке с бумагами больше не притронулся.

Пол потер лоб ладонью и спросил:

– Кто этот человек? Ну, которому надо что-то передавать?

– Если я назову имя, обратной дороги для вас уже не будет, – ответил Фелтон. – Вы уже не сможете сказать "нет".

– Вы дадите мне время, чтобы подумать? Хотя бы пару дней?

– Вы должны принять решение здесь и сейчас.

Пол кивнул и прикурил сигарету.

– Хорошо. Я передам вашему человеку все, что надо.

Фелтон положил на стол фотографию красивого темноволосого мужчины.

– Вы должны помнить этого парня. Борис Зотов. Без преувеличения – это уникальный источник информации. Занимает ответственный пост в Центральном комитете комсомола. Вы с ним встречались на разных вечеринках. Последний раз – на приеме в честь открытия иностранной выставки в Пушкинском музее. Вспомнили?

– Да, теперь вспомнил. Я лучше знаком с его женой Галей. Она искусствовед, ее конек – русское изобразительное искусство первой половины двадцатого века. Я ее прошу посмотреть на картины, которые собираюсь купить. Я немного разбираюсь в живописи, но Галя – профессионал. Мы просто друзья.

– Галя не просто привлекательная женщина. Она дочь кандидата в члены Политбюро члена ЦК Дмитрия Шубина. Нет, она не сотрудничает с нами... Но ее муж, Борис, он наш человек. На дипломатическом приеме около двух лет назад помощник посла получил записку от одного русского, который знал много интересного и хотел поделиться информацией. Сначала мы не поверили в удачу, решили, что это провокация КГБ. И упустили много времени. Позднее мы убедились, что Борис искренний человек.

– Я должен знать еще кое-что. Почему этот человек, успешный в жизни, пошел на сотрудничество с американской разведкой? Чего ему в жизни не хватает, денег?

– Деньги тут не главное. Он ненавидит коммунистов. И действует скорее из гуманистических идейных соображений. Он считает, что коммунистический строй обречен. Разно или поздно СССР развалится, этот распад может превратиться в катастрофу глобального масштаба. Под своими руинами этот исполин погребет не только русский народ, но и все человечество. СССР запросто может начать ядерную войну, использовать свой последний шанс... И если силе коммунистов не противопоставить другую силу, война почти неизбежна. Позднее у Бориса появился и личный мотив. Его сестра Полина заболела раком крови. Эта форма рака поддается лечению. Болезнь прогрессирует не слишком быстро. Нужна операция по пересадке костного мозга. Но в СССР этого не делают. Такие операции в Америке еще не часто проводят. Сложная процедура... Он просит, чтобы мы вытащили его сестру. И позаботились о ней.

– И до сих пор вы ничего не сделали?

– Мы пытались, но... Полина получила американский паспорт на имя жены одного из секретарей нашего посольства. Эти женщины внешне очень похожи. Кроме того, Полина умеет держаться, знает английский. Мы доставили ее на территорию посольства. На имя жены нашего дипломата купили билет на поезд Москва – Париж с пересадкой в Варшаве. Собрали чемоданы. Посольская машина довезла ее до Киевского вокзала, провожал якобы муж, ну, наш дипломат. Весьма убедительная инсценировка. Жена дипломата едет в отпуск в Европу, обычное дело. Но на подъезде к Калуге ей стало плохо. Полину сняли с поезда, на машине "скорой" довезли

до больницы. Дежурный врач по ее просьбе позвонил в посольство. Примчался наш человек и забрал Полину. Пригрозив скандалом, буквально вырвал у врачей еще до того, как в больницу нагрянули оперативники КГБ. Чудо, что Полину удалось вытащить. Иначе... Об этом подумать страшно. Теперь надо выждать время. Мы не можем снова рисковать.

– Почему вы решили обратиться ко мне?

– Недавно в Москву приезжал наш разведчик. Он забрал у Бориса пленки, негативы важных документов. Но, так глупо получилось, – в гостиничном номере сумку с вещами украла какая-то местная потаскушка. Она наверняка выбросила негативы, даже не взглянув на них. Зачем они ей... Поэтому никакой опасности для Бориса нет. Однако эта история стала горьким уроком. И мы обязаны, как говорится, сделать выводы. Нужна надежная связь с Борисом. Нужен человек, который входит в его окружение и не вызывает изжогу у КГБ. Выбор невелик. Вы подходите лучше других. В КГБ точно знают, что вы не американский шпион. По их понятиям – вы либеральный интеллигент с левыми взглядами, который неплохо относится к советской власти. Вы не лезете в политику, увлечены собирательством живописи. И КГБ вам не мешает, как бы в обмен на вашу лояльность...

Разговор завершился поздним вечером. Пол вышел на улицу, сел в машину, запустил двигатель и выкурил сигарету. На душе было тревожно. Он подумал, что прежняя спокойная жизнь кончилась навсегда. Сам того не желая, он залез в какую-то темную не совсем понятную историю, которая может кончиться плохо, очень плохо. Но отказаться, все переиграть, отступить назад, – уже нельзя.

Глава 3

Вечером после работы Борис Зотов заехал в спортивный зал общества "Урожай", переоделся в трусы, белую майку и кеды. В зале никого, только в углу на скамейке сидел тренер по классической борьбе Илья Федотов. Это был дядька лет сорока пяти в трикотажном спортивном костюме цвета "голубой Дунай", костюм подчеркивал недостатки фигуры: короткие ноги и расплывшуюся талию. Вечно занятый каким-то своими, далекими от спорта мыслями, тренер смотрел на мир грустными глазами, вечно одалживал деньги и забывал возвращать. Сейчас он раскрыл на коленях папку с бумагами и ставил галочки в какой-то таблице. Увидев Бориса, поманил его пальцем, не вставая, протянул вялую руку и сказал:

– Сядь на минутку. Хотел поговорить... Через два месяца – чемпионат Москвы по классической борьбе. От "Урожая" надо выставить молодняк. И двух возрастных борцов. Рассчитываю на тебя.

– Слушай, боюсь тебя подвести... Намечается поездка за границу.

– Ясно, – Федотов хлопнул ладонью по ляжке, обтянутой трико. – За последние два-три года ты стал таким важным начальником, что боязно обращаться. Ты всегда занят государственными делами, всегда в разъездах. Где-нибудь за границей. Ладно, давай начистоту. Тебе тридцать лет. Перспектив в большом спорте – уже никаких, все успехи в прошлом. Ты перворазрядник по классической борьбе. Призер каких-то там второстепенных соревнований на приз города и области. И выше уже не поднимешься.

Борис только сейчас почувствовал запах сладкого крепленого вина.

– Что ты хочешь сказать?

– Хочу знать: зачем ты вообще ходишь сюда, тратишь время на тренировки? Поднимаешь штангу, бегаешь... Хотя прекрасно знаешь: твой поезд давно ушел?

– У нас в стране спорт существует не ради великих достижений, а чтобы люди оставались в любом возрасте крепкими и сильными.

– Брось ты эту демагогию. В тридцать никто уже не тренируется. В этом нет смысла. А если уж занимаешься, – тогда выступай на соревнованиях для ветеранов. Тебе почет и уважение: кубок, грамота от Моссовета и ВЦСПС, а мне премию выпишут. А то вот сижу и не знаю, что делать. Нужны два возрастных спортсмена, ставить некого. А ты опять отлыниваешь.

Борис подумал, что разговоры с Федотовым всегда упирались в корыстный интерес: денежную премию или надбавку к зарплате, мизерную, копеечную. Тренер живет небогато вместе с матерью пенсионеркой, он проворачивает какие-то темные делишки, но всегда на мели.

– Хорошо, я завтра вечером позвоню. Скажу, смогу или нет.

Федотов закрыл папку.

– Пятерку займы дашь? Я уже тебе должен, не помню сколько. Ну, все подсчитаю. И с полочки верну.

– Ладно. Отдашь, когда разбогатеешь.

Час с небольшим Борис потратил на силовую тренировку. Он вернулся в раздевалку, выпил минеральной воды "Есентуки № 17" и посидел на скамейке. Вода в душе была только холодная, горячую отключили до августа. Он наскоро помылся, уходя, завернул к тренеру, в крошечную комнатенку, выгороженную под лестницей. Стены завешаны вымпелами и фотографиями известных борцов. На единственной полке под слоем пыли несколько спортивных кубков. Федотов, склонив голову на грудь, дремал на стуле. В углу, возле корзины для бумаг, – пустая бутылка из-под портвейна "Кавказ". Борис положил на стол красную десятирублевую бумажку с рисунком Ленина. Чтобы не улетела, сверху поставил граненый стакан с недопитым вином.

* * *

Борис вышел на улицу. Стемнело, но над городом висел летний зной, пропитанный запахами гудрона и горячего асфальта. Он дождался троллейбуса и поехал домой. Когда вошел в квартиру, услышал шум льющейся из крана воды, значит, это Галя застряла в ванной. Он увидел под тумбочкой сумочку жены, из синтетической кожи, довольно вместительную, поднял ее, положил на стул, отметив про себя, что сумочка непривычно тяжелая. Борис расстегнул клапан. В левом отделении брошюра о творчестве Ильи Глазунова, справа – матерчатый кошелек с помадой, посередине записная книжка и стопка бумажных салфеток, а под ними что-то темное, продолговатое.

Он опустил руку в среднее отделение и вытащил пистолет, компактный, похожий на Браунинг. На самом деле пушка отечественная, – пистолет самозарядный малогабаритный, сокращенно, – ПСМ. Борис никогда не держал в руках это оружие, но слышал, что ПСМ разработан для сотрудников КГБ и высших армейский офицеров, у этой игрушки высокая убойная сила.

Борис взвесил пистолет на ладони, рукоятка слишком короткая для мужской руки. Он вытащил снаряженную обойму и снова вставил ее на место, в рукоятку. На затворе выгравированы мелкие буквы "Д. П. Шубину от тульских оружейников". Галя взяла у отца наградной пистолет, – наверняка без его ведома, и теперь носит оружие с собой. Ездит автобусом, спускается в метро. Разумеется, у нее нет и не может быть разрешения на хранение и ношение короткоствольного оружия, – и если посторонний случайный человек увидит пистолет, – запросто огребешь такие неприятности, – что даже подумать страшно. Шубин часто бывает на военных заводах, у него полно разного оружия, за которым он не следит, к которому годами не прикасается. Он не пользуется сейфом, Борис видел три-четыре коробки с наградными пистолетами в его книжном шкафу, на полках. Тесть вряд ли заметит исчезновение этого ствола.

Галя в полосатом купальном халате вышла из ванной, остановилась. Она увидела Бориса, стоявшего посередине прихожей с пистолетом в руке.

– Как это понимать? – спросил он.

– Понимай так, что на первый раз я тебя прощаю. За то, что лезешь в чужую сумочку. Но дальше пощады не жди.

Галя любую серьезную вещь умела превратить в хохму. Вот и теперь она сделала вид, что обижена на Бориса за то, что тот залез, куда не надо. Она прошла в комнату, села на диван, вытащила пузырьки с лаком для ногтей и ацетоном. Включила лампу и задрала голые ноги на журнальный столик. Борис сунул пистолет обратно в сумочку, вошел в комнату, сел в кресло.

– Твой отец знает о пистолете?

– Разумеется. Не знает.

– Говорю тебе как бывший мент: за ношение ствола – пять лет лагерей. Я хочу, чтобы ты завтра же вернула этот изящный сувенир отцу. Положи на место, иначе...

– Иначе что?

– Позвоню Дмитрию Павловичу. Пожалуюсь, что ты меня не слушаешься. Собралась кого-то пристрелить. Пусть принимает меры.

– Боря, милый, ты знаешь, что в музее я получаю смешную нищенскую зарплату. И вынуждена подрабатывать, а иначе нам не прожить. После работы я езжу к разным людям. Смотрю картины и стараюсь определить, сколько они приблизительно стоят. Последние два вечера провела у одной женщины из Нахабино. Ее отец, приятный старичок, похожий на одуванчик, всю жизнь собирал живопись. Таился от людей, боялся, что ограбят. Ни с кем не водил дружбу, донашивал лохмотья, питался кое-как. Теперь дочка хочет узнать, сколько стоит коллекция покойного папы. А цена – будь здоров.

– И что?

– Она живет в частном доме на краю поселка. Туда даже таксисты не едут, – ни за какие деньги. Ну, днем еще можно за три счетчика договориться, но вечером точно никто не повезет. Дорога к электричке – через темный пустырь. Из этой темноты лают собаки и раздаются человеческие крики. Когда идешь, – от страха кровь в жилах стынет. Seriously... Ты же знаешь, что я трусиха. Я открывала сумочку, сжимала рукоятку пистолета, – и страх отпускал.

– Господи, Галя... Только представь, что сумочку вдруг украдут. Или в метро вор разрежет ее бритвой. Вытащит ствол, кому-нибудь продаст. Тогда придется заявить в милицию о краже. Иначе нельзя. Этот ствол будет искать вся милиция Советского Союза. И хорошо если найдут до того, как из него убьют человека. Или используют при налете, ограблении.

– Боренька, хватит... Ну, что я, ребенок?

– Ты хоть умеешь с ним обращаться?

– С близкого расстояния – не промахнусь.

– Ты обещаешь положить его на место?

Галя засмеялась и махнула рукой. Борис подумал, что жена бывает в незнакомых местах, за городом, вечерами одной боязно возвращаться, идти темными переходами или через пустыри. Убийц и насильников в Советском Союзе немного, но иногда попадаются бродячие собаки, среди них есть бешеные. Галя возилась с ногтями, пахло лаком и ацетоном.

– На прошлой неделе смотрела картины в доме некоего Савельева, директора гастронома на улице Горького. Хочет кое-что продать, – русских мастеров девятнадцатого вешать некуда. Все стены забиты, с пола до потолка. Просил найти покупателей, но я бессильна. Русскими художниками, – кроме авангардистов, – никто не интересуется. Ни свои, ни иностранцы. Даже по бросовым ценам. Всем подавай французов и голландцев. Так вот, у этого типа есть видеомагнитофон. И коллекция из двухсот кассет с самыми лучшими фильмами. Почти каждый день он смотрит новый американский фильм. Или французский на худой конец... Представляешь? А мы ничего кроме программы "Время" не видим. Господи... Полное собрание фильмов о Джеймсе Бонде. Всего у нескольких человек в Москве есть все фильмы о Бонде. Как я им завидую...

– И все они – директора центральных магазинов и рынков. Их скоро посадят за растраты и хищения в особо крупном размере. Видеомагнитофоны, кассеты, картины русских мастеров, которые уже вешать некуда, конфискуют. И спрячут в запасниках Третьяковки.

– Не злись, Боренька, это тебе не идет. Ну, какая разница, кто эти люди? Савельев сказал, что собирает только первые копии фильмов. Ну, значит, самое лучшее качество. Одна кассета стоит сто восемьдесят рублей. Даже больше. Представляешь, квалифицированный рабочий на заводе должен месяц пахать, – не есть и не пить, – чтобы купить одну кассету. Вот это цены... Скоро у тебя поездка в Америку. В лепешку расшибусь, но займу денег на видеомагнитофон. У отца не буду просить... Хотя он все равно не даст. Ну, если узнает, для чего нужны деньги.

– А сколько стоит этот видеомагнитофон?

– Дороже машины. Но, ничего, деньги достанем.

Посередине ночи Борис проснулся от ударов железа о железо. Пробуждение было внезапным, будто толкнули. Звук громкий и близкий. Еще не открыв глаз, Борис сел на кровати сбросил на пол простыню. По батарее стучали железной палкой или молотком. Звук по трубам проходил с первого до последнего этажа и возвращался гудящим железным эхом. Он взял с тумбочки часы, посмотрел на светящиеся стрелки, – почти три часа. Жужжал вентилятор, за окном жил своей жизнью проспект Мира. Бум-бум-бум... Удары молотком по радиатору, звук долго держался в стояках, они гудели, как струны контрабаса. Но вот прошла минута, наступила тишина. Хоть бы больше не стучали. Бум-бум-бум... Кажется, лупят по голове. Галя давно проснулась, она лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок и ждала. Ей вставать чуть свет, хотелось выспаться.

– Я убью эту стерву, – сказала Галя. – Возьму пистолет и пристрелю. Советский суд учтет все смягчающие обстоятельства, – и меня оправдает.

В квартире двумя этажами выше жила старуха, которая бушевала по ночам. Будила соседей истошными криками или стучала молотком по батарее. Иногда близкие родственники отправляли старушку то ли в дурдом, то ли в санаторий для заслуженных пенсионеров, пару месяцев жильцы наслаждались ночной тишиной и просили Бога, чтобы бабушка больше не вернулась в родное гнездо. Но она всегда возвращалась, и тогда ночами начинались крики и стуки. Бум-бум-бум...

– Совсем забыла, – сказала из темноты Галя. – Завтра, то есть уже сегодня, у нас гость, американский журналист Пол Моррис. Корреспондент "Лос-Анджелес таймс". Он сам напросился. Он коллекционер русской живописи и вообще отличный парень. Кажется, вы даже знакомы. Он такой высокий, худой. Помнишь его?

– Помню, – как эхо отозвался Борис.

– Я помогла ему с картинами. Оценивала кое-что, приводила экспертов. Он очень щедро платил. Мне нравится, когда мужчина не жадный.

– Угу, – по спине пробежал холодок.

– Только не надо говорить, что ты сегодня занят.

– Угу...

Борис почувствовал, что голос сделался напряженным. Американцы обещали подобрать человека, через которого можно будет постоянно поддерживать связь, и нашли этого корреспондента... Почему именно его? Черт, да какая разница...

– Боря, не говори...

– Я ничего не говорю. Пусть приходит. Я что-нибудь куплю в нашем ведомственном буфете. Ну, пожевать. И бутылку вина, десертного.

Борис пошел в кухню, зажег свет и открыл холодильник. Положил в стакан кубики льда из пластмассовых формочек, долил воды из-под крана. Он выключил свет и долго сидел, прислушиваясь к ударам, ожидая, что стук кончится, наступит тишина, и можно будет снова заснуть. Бум-бум-бум... Борис давно не курил, но сейчас вдруг так захотелось, что он не смог справиться с желанием. В ящике кухонного стола нашлась светло-серая пачка болгарских сигарет "БТ". Фу, кислый табак, какая же дрянь. Бум-бум-бум... Он стряхивал пепел в блюдце и ждал, когда закончится стук. Кажется, теперь стучали не молотком по батарее. Бум-бум-бум... Это стучало сердце.

Немного успокоившись, он вернулся в спальню, лег на кровать. Галя ворочалась с боку на бок. Стуков больше не было.

* * *

Утром он поднялся на два этажа выше, позвонил в семьдесят вторую квартиру. Дверь открыл мужчина с бледным лицом и стоящими дыбом темными волосами. Борис сказал, что так жить невозможно, надо на работу, а они с женой почти всю ночь глаз не сомкнули. За спиной хозяина квартиры появилась высокая худая старуха, закутанная в теплый платок. Она зло глянула желтыми навывкате глазами и пропала в темноте коридора.

– Мы обращались к докторам, – сказал мужчина с всклокоченными волосами. – Но толку чуть. Таблетки, которые ей прописали, не действуют.

– Вы еще раз обратитесь. Пусть ей пропишут таблетки, которые действуют.

– Мои извинения.

Мужчина захлопнул дверь, зазвенела цепочка. Борис посмотрел на часы, – на работу он уже опоздал, – и отправился в отделение милиции. В дежурной части его жалобы выслушал заспанный лейтенант, только застывший на смену. Он ответил, что на старуху давно жалу-

ются, надо что-то с ней делать, но на самом деле – это вопрос не к милиции, а к врачам психиатрам. В следующий раз, когда бабка начнет буйствовать, – следует звонить в скорую психиатрическую помощь. Борис понял, что зря пришел.

Уже стемнело, когда в гости пожаловал Пол Моррис, долговязый мужчина в вельветовом пиджаке и джинсах. Он говорил по-русски свободно, почти без акцента. И вел себя просто, как старый добрый знакомый. Они посидели за столом, выпили вина, пересели на диван и полистали несколько каталогов "Сотбис", посвященных продажам русских икон и другого антиквариата, которые американец принес с собой. Каталоги черно-белые, не слишком симпатичные. Борису стало интересно, он изучил листок со стартовыми и финальными ценами, – надо же, русская старина по их меркам стоит совсем не так уж дорого, видно, еще не вошла в моду, но все впереди. Вскоре гость засобирался, Борис попросился в провожатые. Пол жил по соседству, всего в нескольких кварталах, на той же стороне проспекта Мира.

Они вышли на пустой вечерний проспект Мира, залитый голубым светом фонарей, двинули пешком в сторону Рижского вокзала. Какое-то время шли молча.

– Слушай, ты не волнуйся, – сказал Пол на ходу. – Черт... Я сам волнуюсь. Потому что новичок в этих делах. Но утешаюсь тем, что от меня ничего особенного не требуют. Ну, взял что-то, отвез, куда скажут. В посольство или в консульство. Или передал тебе что-то на словах. И вся работа. Наверное, сразу понятно, что я не профессионал. Но ты должен знать: на меня можно положиться. Я сделаю все, что смогу, чтобы тебе помочь.

– Спасибо, – сказал Борис, он и вправду почувствовал, что волнение прошло.

Глава 4

Когда раздался звонок из приемной Юрия Андропова, по радио передали точное время, – ровно четыре вечера, следом начали выпуск новостей. Майор государственной безопасности Алексей Гончар сидел за кухонным столом и перочинным ножиком чистил яблоко. Он взял трубку, встал на ноги. Очищенное яблоко выскользнуло из рук и покатилося по полу. Разговор продолжался всего пару минут. Гончар вошел в комнату, остановился у порога. Жена склонилась над кроватью, на которой стоял раскрытый чемодан, и складывала в него вещи. Поезд на Симферополь уходил в шесть вечера.

– Ольга, послушай, с работы позвонили, – сказал Гончар. – Я никуда не еду. Жаль, но что поделаешь. Столько собирался, путевку в санаторий получил... И вот на тебе. Машина за мной придет через двадцать минут.

Жена бросила свое занятие, села на кровать. Это была женщина лет сорока, выше среднего роста, бледная и худая, с большими усталыми глазами. Вьющиеся светлые волосы на затылке стянуты в хвост. Она только вздохнула и спросила:

– Это надолго, как думаешь?

Он подошел к шкафу, открыл дверцу шкафа и начал переодеваться.

– Думаю, что... Наверное, придется повозиться.

– Я не хочу одна ехать, – сказала Ольга. – Не поеду...

– Делай, как знаешь, – сухо ответил Гончар. – Нет времени тебя уговаривать.

Он повернулся перед зеркалом и ушел. Жена села на кровать, уткнулась в ладони и заплакала.

Через полтора часа он вышел из кабинета Юрия Андропова, сел за стол для посетителей в приемной и составил список того, что нужно получить уже сегодня. Для начала необходима телеграмма во все подразделения КГБ, московские и региональные, с приказом оказывать содействие Гончару в полном объеме. Нужен толковый научно-технический консультант, который способен ответить на любой вопрос о лодках, их вооружении. Еще понадобится две-три больших комнаты, можно совмещенные, но не в центральном офисе на площади Дзержинского, а в спокойном месте, вдалеке от человеческих глаз.

На примете есть подходящее помещение в Кисельном переулке, что в нескольких кварталах от главного здания. Там сидит техническая служба, занятая прослушкой телефонных разговоров москвичей, этим ребятам придется немного потесниться. Дом небольшой, – в прошлом принадлежал какому-то купцу, – внешне похож на жилой, три этажа, на последний этаж отдельный вход со двора.

В одной комнате будет работать телефонистка, – Гончару потребуется связь с нужными людьми и организациями, не помешает, – хотя это не очень срочно, – секретарь, даже два секретаря, для бумажной работы, чтобы составлять запросы и вести отчетность. Нужен расторопный оперативник для выполнения разовых поручений, черновой работы, – подойдет стажер из их управления, лейтенант Станислав Лыков. Парень скорый на ногу и сообразительный, начинал в уголовном розыске Новосибирска, отличался при задержании опасного уголовника, бежавшего с зоны, награжден боевой медалью.

Окончил Высшие курсы подготовки оперативного состава КГБ в том же Новосибирске, год назад переведен в Москву во Второе главное управление КГБ. Комсомолец, в следующем году, если все будет нормально, станет кандидатом в члены КПСС. Живет в Москве недавно, еще не успел избаловаться. Есть, правда, один недостаток. По поводу и без повода краснеет, словно девица. Помимо Лыкова понадобится группа из трех-пяти оперативников, а также две разгонные служебные машины с водителями. Закончив с писаниной, Гончар спустился в свой кабинет и стал ждать. Из приемной Андропова позвонили через полчаса, сказали, что поме-

щение в Кисельном переулке скоро будет готово, через час туда пришлют секретаря и телефонистку, лейтенант Станислав Лыков прибудет в девять вечера, машина уже ждет внизу.

Гончар осмотрел две просторные комнаты в Кисельном переулке и остался доволен. На последнем третьем этаже людей не было, в комнатах через стену – аппаратура для прослушки телефонных разговоров, металлические ящики, похожие на трансформаторы. Чтобы попасть к нему в офис, надо пройти длинным коридором, а затем еще через одну комнатенку, тесный предбанник, где стоит пустой книжный шкаф, стол с электрической пишущей машинкой и телефоном. Дальше комната, где будут сидеть технические работники. И наконец – служебный кабинет. Письменные столы, кожаный диван. Потолки высокие, стены толстые, поэтому летом здесь не жарко. Справа окна выходят на улицу, слева – во внутренний двор.

Через час Гончар закончил короткие переговоры с техническими консультантами, вызвал секретаря, пожилую женщину, одетую, как сельская учительница, – темное платье с кружевным белым воротничком, – и продиктовал несколько писем, которые нужно немедленно отправить телетайпом. Одно из писем в Ленинградское управление КГБ. Местные чекисты и военные контрразведчики получили задание, касающееся Центрального конструкторского бюро "Рубин", где был разработан проект лодки "Акула". В частности, необходимо сообщить в Москву, кто из руководства ЦКБ имел доступ к чертежам, кто из этих людей бывал в Москве в течение последних двух-трех месяцев, кто увлекается любительской фотографией, случались ли за последние месяцы нарушения режима хранения и пользования документами государственной важности. Если да, то что это за происшествия.

Вторая телеграмма с этими же вопросами ушла в Управление КГБ Челябинской области. Местным чекистам предстояло плотно поработать в Конструкторском бюро "Машиностроение" под руководством академика Виктора Макеева, где создали баллистические ракеты для проекта 941, разобраться с хранением документации и так далее. Московскому управлению КГБ поручено составить полный список лиц ответственных работников Министерства обороны СССР, других министерств и ведомств, а также ЦК КПСС, имеющих допуск к чертежам.

В следующем письме Гончар просил срочно создать группу оперативников, которая установит имя иностранца, которым была потеряна или у которого была украдена сумка с вещами. Судя по одежде, – это мужчина ростом около метра восьмидесяти сантиметров и весом примерно сто килограммов, на рубашках найдены темные волоски, есть седой волос. В заднем кармане брюк отрывок какого-то билета, то ли в театр, то ли в кино. Номера места и ряда отсутствуют. Однако мелким шрифтом внизу указан порядковый номер билета, – это должно облегчить поиски. И еще: на дне сумки, – истертый кожаный ремешок от часов. Возможно, иностранец чинил в Москве наручные часы или купил к ним новый ремешок, – это также необходимо выяснить.

Когда совсем стемнело, явился Станислав Лыков, это был высокий молодой человек, на вид лет тридцать или около того. Спортивный с приятным бледным лицом, каким-то одухотворенным, немного мечтательным. Встретишь такого на улице, решишь, что перед тобой молодой ученый, какой-нибудь физик-теоретик, в свободное время он сочиняет стихи, ходит в планетарий, собирает бабочек и посещает секцию легкой атлетики. Лыков доложил, что сдал дела и теперь готов к работе. Гончар, не жалея времени, подробно объяснил проблему. В заключении он сказал, что от Лыкова потребуется, прежде всего, внимание, терпение, навыки работы с документами и вообще – способность шевелить мозговыми извилинами. Возможно, подвернется и другая работа, черновая, неблагодарная... Никуда от нее не денешься. Что же делать, кому-то надо и дерьмо разгребать.

Ближе к ночи пришли наладчики и установили "вертушку", телефон правительственной связи, по которому можно было, минуя секретарей и референтов, напрямую связаться с Юрием Владимировичем Андроповым. Гончар вызвал служебную машину и вернулся домой во втором часу ночи. Он зажег свет в прихожей, приоткрыл дверь в спальню. На стуле аккуратной

стопкой были сложены его вещи, кровать пуста, чемодана не видно. Значит, Ольга все-таки уехала. Он прошел в кухню, наскоро поужинал и лег спать.

Глава 5

Один-два раза в месяц Борис по вечерам дежурил в народной дружине. После работы комсомольцы собирались в спортивном зале местной школы, устраивали переключку. Затем во дворе останавливался автобус из районного или городского управления внутренних дел, развозили по местам, где предстояло дежурить до позднего вечера. Сегодня дежурство не совсем обычное, собирали только спортсменов разрядников или парней, служивших в армии, самых крепких. Из отделения милиции заранее всех обзвонили, сказали, может быть, придется повозиться со шпаной из Сокольников.

Как обычно, собрались в спортивном зале школы номер 292 Дзержинского района. Старый знакомый капитан милиции Василий Иванович Захаров, в форме, с кожаной папкой под мышкой, вошел в зал, поздоровался за руку, сел в углу, ожидая, когда все соберутся. Двадцать молодых парней построились в две шеренги, надели на рукава красные повязки с белыми буквами: дружина.

Захаров встал перед строем и сказал, что вечер будет напряженным. Приближается Олимпиада, иностранцы съедутся в Москву. Это будут не только товарищи из стран братского социалистического лагеря, но и недоброжелатели из западных государств. Наши недруги будут рады увидеть на улицах Москвы алкоголиков и шлюх, а потом орать на весь мир: видите, что творится в Советском Союзе. Задача народной дружины в том, чтобы не доставить заморским господам этого удовольствия. Москва придет к Олимпиаде чистой, красивой и праздничной. А всю нечисть милиционеры и добровольные помощники вытряхнут из города.

Дежурить, как обычно, – четверками. Но не только в районе танцевальной площадки, где топчется молодежь. А забраться в глубину парка, туда, где начинается лес. Там не только мелкая шпана распивает водку, там попадает рыба покрупнее. Правонарушителей, – драчунов и пьяниц, – доставлять в ближайшее отделение милиции или в опорные пункты, что на территории парка Сокольники. Особое внимание, – об этом просили сверху, – обращать на гомосексуалистов, которые вздумали уединиться где-нибудь под кустом, в дальней части парка. Но их тащить в опорный пункт не надо, – это установка сверху.

Гомиков задерживать, отобрать у них документы. Одного человека из наряда отправить в ближайший опорный пункт милиции, там уже будут ждать сотрудники московского ГУВД, – дальше будут они разбираться. А дружинники сдают подозреваемых в мужеложстве, как говорится, с рук на руки, на месте задержания, и продолжают патрулирование. Капитан расстегнул папку, достал стопку фотографий и велел всем посмотреть на эти физиономии и хорошо их запомнить. Контингент из милицейской картотеки, судимые за мужеложство, но не вставшие на путь исправления, все как один опасные психопаты, извращенцы, – спаивают и растлевают молодых пацанов.

Еще недавно эти общественные отбросы искали себе партнеров в традиционных местах для гомиков – сквере у Большого театра или возле Кремля, в Александровском саду, – но сейчас там опасно появляться, – милиция наводит порядок, – поэтому они перебрались в Сокольники, место большое, темное и спокойное. И, кажется, чувствуют себя неплохо, даже комфортно. На самом вершине решено вывести оттуда эту публику, как тараканов. Тут дружина должна помочь. Борис внимательно посмотрел фотографии, лица как лица, обычные, увидишь такого в метро, не обратишь внимания, – ничего порочного, отталкивающего, один совсем юный, лет семнадцать, и похож на девочку. Челка на лбу, большие глаза, с краю нижней губы небольшой шрам.

Захаров снял форменный картуз и протер лоб платком, – труднее всего ему давалось складно молоть языком, с бандитами и ворами было проще. Но в этот раз все вышло гладко, как по писанному.

– Есть вопросы?

– Этот тоже особо опасный извращенец? – Борис показал фотографию мальчишки со шрамом. – Не очень похож.

– Зотов, ты человек опытный, грамотный. Но иногда наивно рассуждаешь. Этот тип только с виду такой: мальчик-колокольчик. А на самом деле... Мы тут мужики, поэтому мне даже стыдно вот так стоять перед вами и объяснять, что это за субъект. Моральный урод, высшей пробы. Я бы им всем давно отрезал то, чем они... А лучше – сразу к стенке... И весь разговор.

Капитан, сделал вид, будто от ненависти к гомосексуалистам закипает праведным пролетарским гневом. Он собрал фотографии, сунул в папку. Ясное дело, про молодого парня он знать ничего не знает. Все вышли в школьный двор, туда уже подогнали небольшой автобус со шторками на окнах. Через сорок минут вышли у центрального входа в парк, разбились на четверки и разошлись по аллеям. В четверке Бориса он был за старшего, так уж давно сложилось. Все дружинники старые знакомые, только один парень Петр, самый старший, – монтажник завода "Манометр", на дежурстве второй раз. Он не самого крепкого сложения, высокий и сутулый, но зато умеет быстро бегать.

* * *

На летней эстраде самодеятельный певец под гармонь пел русские песни, концерт близился к концу, люди вставали со скамеек и расходились. На центральной аллее горели фонари, здесь еще прогуливались молодые парочки. Пахло подгоревшим шашлыком, в закускойной, похожей на аквариум, все столики были заняты. Дружинники свернули на боковую аллею, здесь света было меньше и народа не видно. На дальней скамейке, парень, болтая о чем-то, накинул пиджак на плечи девушки. Увидав дружинников, он поморщился, как от кислого, перестал говорить.

Борис неплохо знал Сокольники, он шел на звуки музыки. Танцплощадка была расположена за высоким забором, без билета сюда не пролезешь. Остановились возле зеленой будки, Борис наклонился к окошечку, спросил кассира, знакомого дядьку пенсионного возраста, как дела. Тот пробурчал, что все нормально, народа сегодня много, даже для пятницы, но происшествий, слава Богу, пока нет. Дружинники отошли в сторону, стали глазеть, как к кассе подходят парни и девушки, у калитки отдают билеты контролеру, женщине богатырского сложения со свистком на шее. С сумками на танцы нельзя, но крепленое вино все равно как-то проносят. Почти каждый день здесь выясняют отношения выпившие парни. Но сейчас время еще раннее, публика почти трезвая, поэтому дружинникам тут делать нечего.

– Уходим, – сказал Борис. – Чего без толку стоять.

Они оказались на аллее, плохо освещенной, почти пустой, пошли в глубину парка. Впереди Борис с Петром, сзади Игорь Громов, – плечистый парень, когда-то увлекавшийся вольной борьбой, и Павел Агафонов, спортсмен разрядник. Эти ребята всегда шли сзади, выглядели грозно. У фонаря на лавочке сидел плотного сложения мужчина лет сорока и женщина в светлом платье и вязаном жакете. Человек глянул на дружинников, появившихся из темноты, наклонился к холщовой сумке, стоявшей между ног, что-то сунул в нее и отвернулся.

Борис подошел, вытащил удостоверение дружинника и показал его мужчине. Тот как-то неловко поднялся, одернул мешковатый пиджак и сказал:

– В чем дело, ребята? – лицо мужчины покраснелось, пахло папиросами и крепленным вином.

– Вы через центральный вход заходили? Там возле турникетов большое объявление. Его нельзя не заметить. Написано, что в парк нельзя приносить и распивать тут спиртные напитки.

– Какие напитки? – человек хотел поспорить, но опустил взгляд, из сумки торчало горлышко винной бутылки. – Ах, это, господи... Только глоток сделал. Пустяки. Не видел никакого объявления. Если бы знал...

– Придется пройти в отделение и составить административный протокол. Документы при себе?

Женщина смотрела на Бориса снизу вверх и крутила пуговицу на жакете. Она была лет на десять моложе своего кавалера. У нее были гладкие русые волосы до плеч, вытянутое лицо и длинные острый нос. Она часто моргала глазами и, кажется, готова была расплакаться.

– Я приезжий, – сказал мужчина. – Черт, не знал ваших порядков. Что за глоток вина человека можно тащить в отделение... Вы не имеете права беспокоить людей, только потому что вам нечего делать. Или план по задержаниям не выполнили.

– Вы тоже приезжая? – Борис наклонился к женщине.

– Нет, почему... Москвичка. Я тут гуляла, мы гуляли...

– Слушайте, отстаньте, – лицо мужчины сделалось пунцовым. – Если два человека сели отдохнуть, это еще не повод, черт побери... Слушай, парень, как тебя зовут?

Борис снова раскрыл удостоверение и подержал его перед мужчиной. Все пьяницы и местные Казановы говорят всегда одни и те же слова: первый раз, один глоток, не имеете права... Скучно все это слушать, не хочется с ними возиться, а хочется плюнуть и уйти, но дать задний ход уже нельзя.

– Здесь все написано. Читайте, пожалуйста. Берите сумку и пошли с нами. Мы не хотим применять силу.

Чувствуя, что силу применить все-таки придется, из-за спины Бориса вышли Агафонов и Громов. Вид этих парней успокаивал кого угодно, лучше дойти до отделения, подписать протокол и заплатить штраф, чем мериться с ними силами. Мужчина оценил свои шансы, тяжело вздохнул, полез в карман пиджака. Он достал удостоверение и сложенную вчетверо бумагу. Борис развернул листок, прочитал короткий текст. Женщина все же расплакалась, острый носик покраснел.

– Отдыхайте, товарищ, – сказал Борис мужчине. – Но поосторожнее с выпивкой, сегодня здесь много милиции, – он повернулся к парням и коротко бросил. – За мной.

Дружинники с неохотой двинули следом. Рядом уныло брел долговязый Петр, он был расстроен этой неудачей.

– А чего мы его не взяли? – спросил он. – Какой-нибудь хрен из госбезопасности или бери выше? Удостоверением козыряет.

– Это военный моряк, капитан второго ранга Северного флота. У него краткосрочный отпуск. Ему в воскресенье к месту службы отбывать, в Мурманск.

– Ну и что? Если он военный моряк, ему можно пьянствовать? И с бабами под кустом?

– Побудь в его шкуре. Они в море выходят, месяцами женщин не видят. В Москве всего два дня осталось. А мы испортим ему вечер, загоним беднягу в отделение. И он будет там сидеть с алкашами, объясняться, оправдываться. А потом по месту службы пришлют телегу. Брось... Что мы не люди?

– Да... Ну, тогда правильно.

* * *

На ходу Борис стал рассказывать Петру, как рассказывал любому новичку, какие есть входы и выходы из парка, когда он закрывается, сколько людей посещает "Сокольники". Территория огромная, милиции для патрулирования не хватает, на ночь парк закрывают, посетители уходят, но далеко не все, да и в заборах множество дырок, через них доступ в Сокольники открыт круглосуточно. Разговор сам собой оборвался, некоторое время шли молча, оказались

на берегу пруда, деревья расступились, стало светлее. Борис поднял голову, и стало видно небо, но не глубокое черное небо с россыпью ярких звезд, а городское желто-серое, на котором не разглядеть ни звезд, ни луны.

Асфальта здесь не было, берег пологий, утоптаный. Воду рябило от легкого ветерка, где-то совсем близко пела птичка, с того берега доносились мужские голоса, но слов не разобрать. Один из мужчин говорил громко и быстро, с истерической ноткой, другой отвечал тихо, просительно, будто оправдывался. Остановились, прислушались, но наступила тишина. Потом кто-то громко выругался и вскрикнул, словно от боли. И снова вскрикнул, уже громче.

Борис берегом побежал вперед, кажется, там есть мостик, можно перебраться на другую сторону. Но мостика не было. Черт с ним, пруд небольшой, две-три минуты вдоль берега – и окажешься в том месте, откуда доносились крики. Борис бежал быстро, но Петр его обогнал, вырвался далеко вперед, но зацепился ногой за вылезший из земли корень, грохнулся на землю, подскочил и помчался дальше, но вдруг остановился. Здесь вплотную к воде подступали густые заросли кустов и молодой осинник.

– Черт, я руку пропорол стекляшкой, – Петр стоял у кромки воды, разглядывал окровавленную ладонь. – Кажется, серьезно...

– Иди обратно, – скомандовал Борис. – В опорный пункт. Дорогу найдешь?

Борис поднялся по склону, здесь, среди деревьев, почти в полной темноте, снова пришлось искать асфальтовую дорожку. Побежали дальше, теперь первым был Борис, где-то далеко за спиной тяжело пыхтели два тяжеловеса дружинника. Дорожка вышла на открытое место, стало светлее. Навстречу бежал мужчина лет тридцати пяти в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, на плече ремень кожаной сумки. Увидав Бориса, подбежал к нему, но запыхался, чтобы что-то сказать. Стоял рядом и тяжело дышал.

– Ну? – поторопил Борис.

– Там, кажется, человека зарезали, – мужчина не мог справиться с дыханием и страхом, он показывал рукой на другой берег. – За мной погнались, но, я успел выскочить на дорожку. И ходу... Они на берегу...

– Сколько их?

Подбежали Громов и Агафонов.

– Двое, – мужчина тяжело дышал. – Один в серой куртке, другой в темной рубашке. Лет по двадцать с небольшим. Кажется, пьяные. Только вы, товарищи, поосторожней, у них нож. И вообще... Тут дело такое, надо милицию звать.

– Где раненый?

– Вот лежит. Видите? Возле самой воды.

– Жди здесь, – приказал Борис. – Никуда с этого места.

Глава 6

На несколько дней Гончар утонул в бумагах. Он диктовал запросы и служебные письма на секретные предприятия и организации, занятые производством узлов, агрегатов и оружия для проекта 941 "Акула". Ответы приходили пачками. Оперативник Стас Лыков и два секретаря, женщины, имевшие допуск к самым секретным документам, проработавшие по двадцать лет в КГБ, с утра до вечера читали и сортировали бумаги, составляли и рассылали зашифрованные телеграммы и письма, принимали ответы.

Папки с делами быстро пухли, набирали вес. Вскоре стало казаться, что в этом бумажном море просто нет берегов и, если уж в него погрузился, дна не нащупаешь, не спасешься, – обязательно утонешь. Но к концу недели волна схлынула, на листе бумаги появилась тощая колонка цифр, – сухой остаток поисков, черновой работы и ночных бдений. Все оказалось не так страшно, как казалось в самом начале, еще в прошлую пятницу. Да, в проекте 941 задействованы более тысячи научных учреждений, заводов, конструкторских бюро, разбросанных на пространстве всего Советского Союза, – но только в шести организациях, включая Министерство обороны СССР, хранятся чертежи всей лодки, в остальных – чертежи некоторых отдельных агрегатов, узлов и деталей, систем вооружения, силовых установок, двух атомных реакторов и паровых турбин.

Допуск к чертежам имеет очень узкий круг ведущих специалистов, которые живут и работают под опекой контрразведчиков, доглядом штатных стукачей и партийных активистов. Возможность копировать чертежи или сфотографировать их на рабочем месте практически исключена, – даже у первых лиц этого проекта, генеральных конструкторов и ведущих инженеров. Однако чертежи все-таки были сфотографированы и оказались в Москве у неизвестного иностранца. На заводе изготовителе лодки "Севмаш" в Северодвинске Архангельской области, ЦКБ "Рубин" в Ленинграде, где лодку проектировали, а также КБ "Машиностроение" в городе Миассе Челябинской области, где создавали ракеты морского базирования, местные оперативники составили списки сотрудников, которые могли, – хотя бы теоретически, при благоприятных обстоятельствах, – сделать такие фотографии.

На учет взяли также членов семей, родственников и близких друзей и знакомых, которые, – опять же рассуждая теоретически, – могли помочь доставить негативы в Москву или сами их привезли, а затем передали иностранцу. Общий список довольно длинный – без малого две сотни человек. К началу второй недели поисков, все они прошли предварительную проверку. Две трети этих людей за последние полтора года не выезжали из своих родных городов, а если и выезжали, например, в отпуск, в ведомственный дом отдыха в Краснодарском крае или санаторий в Крыму, – там круглосуточно были под присмотром, а то и под охраной оперативников КГБ.

С прошлой зимы в Москве гостили или приезжали по делу шестеро административных работников или инженеров, а также два десятка их родственников и друзей. По списку прошли крупным и мелким гребнем, кто-то отсеялся, но на карандаш все-таки взяли семь человек, проживающих в Северодвинские, Миассе и Ленинграде. С ними придется повозиться местным чекистам. В Москве чертежи лодки в полном объеме были доступны всего для четырех высших руководителей министерства обороны, еще для шести гражданских чиновников, включая министра тяжелого машиностроения СССР, а также одного члена ЦК КПСС, кандидата в члены Политбюро ЦК.

Через военную контрразведку выяснили, что никто из высоких чиновников Министерства обороны в специальную часть, где хранились чертежи, за последние три месяца не обращался, – отпало сразу четверо военных, это сузило круг поисков. Министру тяжелой промышленности чертежи приносили из секретной части министерства – и всего один раз. Министр

знакомился с чертежами в присутствии двух офицеров контрразведчиков, взять бумаги домой у него не было права, да и возможности. Поэтому министра сразу можно вычеркнуть из списка. Оставался член ЦК КПСС Вадим Егорович Шубин.

Сделав это заключение, Гончар почувствовал азарт охотника, который поднимался откуда-то из глубины души, заставляя испытывать непривычное волнение. Гончар отодвинул на край стола бумаги и карандаш, заложил руки за голову. Стас Лыков сидел за столом у окна и вместо свежих донесений, поступивших из Ленинграда, украдкой читал смешной газетный фельетон.

– Можно я оторву тебя от работы на минутку?

– Конечно, – Лыков смутился, словно девушка, чуть не покраснел, торопливо спрятал газету в ящике стола.

– Ну, вот, Стас, похоже, наше расследование с самого начала поднимается на высокий уровень. Самый высокий. Министра тяжелой промышленности и даже военных из Министерства обороны – по боку. Они физически не имели возможности сделать фотографии лодки. И не выносили документы за порог своих министерств. Права не имели. Так-то... Точность информации гарантирует военная контрразведка. Но попала в поле зрения шишка поважнее, – член ЦК КПСС кандидат в члены Политбюро Вадим Егорович Шубин.

Гончар сделал драматическую паузу и сказал, что этот человек занимает высокое положение в партийной иерархии, имеет самые широкие права и полномочия, ни перед кем не отчитывался. Разве что перед Брежневым и господом Богом. Репутация Шубина почти безупречна. Персона такого уровня может запросто, без разрешения офицеров особого отдела, которых он в упор не видит, положить папку с документами и чертежами в портфель и уехать домой или на дачу. С одной стороны, подобраться к Шубину, выяснить детали его жизни и быта, – задача непростая, деликатная.

Если Вадим Егорович только заподозрит, что его проверяют по поводу утечки информации особой секретности, – разразится страшный вселенский скандал. Шубин на короткой ноге с Брежневым, ему ничего не стоит пожаловаться Леониду Ильичу, – и тогда пощады не жди. Брежнев снимет трубку правительственного телефона, свяжется с Андроповым, – и полетят головы. Как всегда, больше всех достанется исполнителям, маленьким людям, которые брали под козырек и выполняли приказы. Надо понимать всю деликатность ситуации и действовать с особой осторожностью. Обвинить в чем-то Шубина можно только в одном случае: если на руках твердые неоспоримые доказательства, – и никак иначе.

Если посмотреть с другой стороны, высокое общественное положение человека облегчает задачу. Охраной партийных лидеров занимается девятое управление КГБ, его сотрудники знают о Шубине и его родственниках все. Даже то, чего сам Шубин о себе не знает. С какой он ноги встает, часто ли улыбается, что ел на обед год назад и так далее. Вся эта информация уже затребована из "девятки" и ляжет на этот стол, может быть, уже сегодня.

Глава 7

Борис побежал дальше, за ним дружинники. Дорожка спускалась к берегу у воды на узкой песчаной полоске лежит человек. Борис остановился, присел на корточки. Человек громко застонал. Это был молодой парень с вьющимися волосами, одетый в черную матерчатую куртку и желтую майку. Он беспокожно заворочался, перевернулся на спину, зажимая ладонями рану на животе. Слава Богу, это не пуля. Разрез продольный, лезвие полоснуло сверху вниз, наискосок, неглубоко.

Борис оглянулся назад. Отсюда с открытого места видно далеко. Человек в белой рубашке оглянулся по сторонам, вихрем сорвался с места и пропал из вида.

– Перевяжи его, – приказал Борис Агафонову. – Я сейчас...

Он вскочил и пробежал по асфальтовой дорожке до того места, где она сходилась с аллеей. Здесь света немного, но фонари все-таки попадаются. Никого не видно. Борис побежал быстрее, вспомнил, что у парня в белой рубашке дыхание так себе, значит, он не успел далеко уйти. Если он не местный, с аллеи не свернет, – так легко заблудиться. И словно в ответ на эти мысли впереди мелькнуло что-то светлое.

Человек бежал со всех ног, нерасчетливо, быстро израсходовал силы и сбавил скорость. Борис легко сократил расстояние до десяти метров. Человек понял, что теперь не уйдет, на бегу выхватил нож, остановился и обернулся так резко, что Борис едва не налетел на клинок. Это был самодельный нож со стальным лезвием с двойной заточкой. Человек чуть согнул спину, выставил вперед голову, он держал нож прямым хватом, готовясь сделать выпад. Борис отступил на пару шагов, расставил руки и сжал кулаки.

– Брось нож, – тихо сказал он. – И я дам показания, что ты сдался сам.

– Пошел ты, сука...

Мужчина, словно подражая Борису, тоже приподнял руки до уровня груди, отвлекая внимание, взмахивал левой рукой. Он двигался боком, кругами по часовой стрелке. Борис следил за человеком, машинально отметив про себя, что у него длинные волосы, они закрывают шею, достают почти до плеч, щеки румяные, прямой нос и мужественная тяжелая челюсть. Его можно назвать симпатичным, даже красивым, вот только этот взгляд... Кажется, сквозь прищур век на мир смотрят не человеческие глаза, а сама смерть. Вечером здорово похолодало, из его рта вырывается горячее дыхание, в свете фонаря хорошо видно голубое облачко пара. На белой рубашке, на правом рукаве и груди, едва заметные брызги крови, похожие на чернильные кляксы.

Десять минут назад Борис столкнулся с этим типом нос к носу и не заметил этих пятнышек. Странно... Он всегда легко схватывал такие детали, а сейчас оплошал. Наверное, было слишком темно. И еще одна деталь: во время их первой встречи на плече этого типа висела сумка из желтого кожзаменителя с надписью "Автоэкспорт", картинкой автомобиля "жигули" на фоне карты мира, а сейчас сумки нет. Значит, убегая, забросил ее в темноту или спрятал... Нет, прятать не было времени, просто бросил. Борис следил взглядом за ножом, пытаясь угадать, как пойдет атака. Скорее всего, этот тип попытается сблизиться на среднюю дистанцию. Пойдет вперед левым плечом и пырнет справа, – не сильно, тычком, – в грудь или в живот. Короткий колющий удар, защититься от него будет трудно. Мужчина поднял нож над головой, хрюкнув, словно дикий кабан, бросился вперед грудью. Он хотел ударить сверху, в шею.

Борис шагнул вправо, одновременно правой рукой схватил запястье. Вцепился в него левой пятерней, с силой рванул захваченную руку на себя и вверх, носком ботинка ударил в пах, – и попал. Мужчина охнул от боли, но нож не выпустил. Тогда Борис опустил захваченную руку, зажал ее у себя под мышкой. Резко повернул корпус и стал заваливаться грудью на землю, увлекая за собой противника. Мужчина упал лицом вниз, от боли заскрипел зубами,

Борис сильнее, до хруста в суставах, вывернул руку, пальцы разжались, нож упал на асфальт. Мужчина оттолкнулся ногами, дернулся всем телом, последний раз пытаясь вырваться. Борис успокоил его болевым приемом, а потом пару раз врезал кулаком по шее.

– Лежи тихо, иначе на хрен сломаю грабли.

Ременя у мужчины не было, пришлось выдернуть свой ремень и связать его руки за спиной.

* * *

Через два часа в отделении милиции с задержанного сняли первичные показания и отправили в камеру. Время перевалило за полночь, а Борис все сидел за столиком в небольшой комнатенке, дожидаясь, когда закончит с писаниной и освободится старший лейтенант Иван Фомин, который отвечает за работу с дружинниками. Фомин пришел, но ненадолго, он хоть и устал за долгую смену, но пребывал в добром настроении. Это был молодежавый, рано полывсевший человек в милицмейской форме с темными навывкате глазами и щегольскими тонкими усиками.

– Курить хочешь? – спросил он и, не дожидаясь ответа, выложил на стол бумажную пачку сигарет "Новость" и коробок спичек. – Кстати, эти сигареты сам Брежнев курит.

– Значит нам, простым смертным, сам Бог велел, – Борис чиркнул спичкой. – Я вообще-то не каждый день злоупотребляю. Но сейчас хочется.

– Только не здесь, в коридоре покури. И жди. Скоро буду.

Фомин убежал на второй этаж. Борис вышел из кабинета, осмотрелся и стал бродить взад-вперед. Коридор длинный, – с одной стороны, – зарешеченное окошко во внутренний двор, с другой – дверь на лестницу и темный закуток, вроде комнаты, но крошечной, без окна, хлипкая фанерная дверь приоткрыта. Поперек комнаты на спине лежал молодой человек в желтой безрукавке и джинсах, на одной ноге сандаля, другая босая. Голова разбита, под ней на полу собралась лужица крови. На подбородке и губах запеклась кровавая корочка, рот полуоткрыт, глаза закатились ко лбу. Борис перешагнул порог, наклонился. Запаха перегара нет. Кажется, этого человека он сегодня где-то видел.

Запястье правой руки неестественно вывернуто, наверное, сломано. Рубашка задралась высоко, до самого подбородка, обнажился молочно белый живот и нижняя часть груди, поперек бордово-серые полосы. Борис потрогал ребра, при нажатии, четвертое и пятое ребро легко прогибались внутрь, похрустывали. Видимо, парня от души отходили резиновыми палками. Борис приложил пальцы к шее, пульс есть, но едва различимый, дыхание частое неровное. Надо вызвать "скорую помощь", отправить парня в больницу, иначе к утру он умрет здесь, на этом вытертом грязноватом полу. Человек застонал, захотел что-то сказать, но не смог, и потерял сознание.

Где же они встречались? А ведь это один из гомосексуалистов, фотографии которых сегодня на инструктаже показывал дружинникам капитан милиции Захаров. Борис еще сказал, что этот молодой человек не похож на особо опасного извращенца, он просто мальчишка, щенок. Точно, это он. И с краю губы небольшой розовый шрам. Борис выше в коридор, стал слушать шаги на лестнице и ждать, когда подойдет кто-то из дежурных милиционеров, но коридор оставался пустым. Борис вышел на лестницу, на нижней площадке столкнулся с незнакомым капитаном милиции, тот глянул настороженно.

– Тут нельзя находиться, – сказал капитан.

– Я дружинник, вот удостоверение.

– Все равно нельзя. Кто вас пустил?

– Фомин. Сказал ждать в восьмой комнате. Но там, в комнате по соседству, человек... Он сильно избит. Пульс слабый. Сломана рука и ребра. Нужна "скорая".

– Слушайте, товарищ... Не надо сообщать то, что мы уже без вас знаем. Сидите в восьмой комнате и не выходите, пока Фомин не вернется. Без вас забот хватает. Понятно?

Капитан пошел вверх по лестнице, Борис вернулся в коридор, стал ходить взад-вперед. Слева две двери, обитые оцинкованным железом, за ними камеры предварительного заключения. На уровне плеча окошки, стекло заменяет твердая прозрачная пластмасса. Из коридора видно, что происходит с другой стороны двери. Одна камера набита битком, люди сидят и лежат на деревянном настиле, курят и переговариваются шепотом. Когда на стекло ложится человеческая тень, разговоры смолкают, все сидят и ждут, что вот сейчас повернется ключ в замке, лязгнет засов и кого-то выдернут на допрос.

Борис застыл перед окошком, стал глазами искать мужчину, которого задержал, но в камере его не было. В другой камере – всего два человека. Один, на вид лет двадцати с небольшим, лежал на цементном полу вдоль стены. Кажется, левый глаз выбит, на его месте глубокая темная дыра. Молодой человек был одет в светлую майку с короткими рукавами, всю перепачканную пятнами грязи и кровью, и мятые серые штаны, чуть приспущенные. Он не двигался и, кажется, не дышал. Другой задержанный сидел на деревянном настиле и курил. Он был похож на обреченного на смерть человека, доживающего перед казнью последние минуты.

Ночь, но в отделении милиции продолжается рабочий день, с лестницы доносятся голоса, слышны шаги, на задний двор въехал грузовик с крытым кузовом. Остановился и выключил двигатель. Борис вернулся в кабинет и, оставив дверь открытой настежь, стал ждать, но Фомина все не было. Но в коридоре появились какие-то люди в штатском. Они вошли через дверь во двор, видно, приехали на том грузовике. Переговариваясь тихо, почти шепотом, прошли мимо двери, глянули на Бориса без всякого интереса. Затем извлекли из закутка молодого человека со сломанной рукой, взяли за ноги и поволокли к двери.

Быстро вернулись, вытащили из камеры другого человека, – его Борис видел через окошко лежащим у стены, – за ноги поволокли к машине. Человек не показывал признаков жизни, то ли действительно умер, то ли находился в глубоком обмороке. Люди в штатском скоро вернулись, вошли в ту камеру, где оставался один человек. За дверью началась возня, слышались глухие удары, будто подошвой ботинка лупили по железному листу, потом кто-то закричал тонким бабьим голосом, и снова возня. Через несколько минут по коридору протащили того мужчину, что сидел на краю настила и курил. Его рубаха была разорвана, густо залита кровью.

* * *

Минут через десять вернулся Иван Фомин.

– Мне начальство выговаривает, что твой дружинник болтается по отделению и смотрит туда, куда смотреть запрещено, – в голосе Фомина слышалась детская обида. – Я тебя на свою ответственность тут оставляю, а ты...

– Я только вышел в коридор покурить, – Борис пересказал то, что видел своими глазами и добавил. – Я слышал, что гомосексуалистами занимаются милиционеры из городского управления. Но что-то они уж слишком... стараются.

– Не знаю, что ты слышал и от кого, – Фомин перешел на тихий шепот. – Говорю тебе один раз, постарайся эти слова запомнить. Так вот... Не вздумай заикнуться хоть кому-нибудь о своих, так сказать, наблюдениях. Иначе тебе башку открутят, а заодно и мне. Гомиками занимается не милиция, а КГБ. У нас есть приказ задерживать голубых и передавать с рук на руки комитетчикам. Чекисты их обрабатывают, а потом на своих машинах куда-то вывозят. Москву чистят перед Олимпиадой. Ни тебя, ни меня эти дела не касаются.

– А если их...

– Чудак... Я же сказал: нас это не касается. И на этом точка. Теперь давай о приятном.

Фомин сказал, что, кажется, дружинники задержали не мелкую шпану, а человека весьма серьезного. Сумку, о которой говорил Борис, нашел милицейский наряд, лежала на земле под деревом. В ней деньги, десятками и четвертными, всего тринадцать с половиной тысяч рублей. И еще грязный строительный комбинезон и рабочая куртка. Личность пострадавшего, того, кто лежал возле пруда, пока не установлена, но с ним будут разбираться утром, сейчас он в больнице, потерял много крови, еще в себя не пришел.

Похоже, картина такая: два жулика пришли в Сокольники, чтобы разделить добычу, а заодно избавиться от улики, то есть строительного комбинезона, но о чем-то поспорили, все кончилось поножовщиной. Видимо, ограбили зажиточную квартиру, не на улице же они такую прорву денег нашли. Это серьезное преступление, которое с помощью дружинников удалось раскрыть по горячим следам, – настоящая удача.

– Грамотой отметим, но это так, пустяки... Кстати, ты чувствуешь запах, – Фоменко повел чутким носом. – Кажется, здесь пахнет ценным подарком. Скажем часы "Секунда", экспортный вариант, тебя устроят? Шикарная вещь, с календарем. Считай, уже твои. Я рапорт утром составлю, поощрим обязательно. И тех парней, что с тобой дежурили, тоже не забудем.

Фомин сказал, что до дома Бориса довезут на служебной машине. Вышли во двор, Борис сел рядом с водителем в "жигули" с синей полосой и надписью "милиция" вдоль кузова. Когда машина тронулась, помахал Фомину рукой.

Глава 8

Все вещи из сумки иностранца прошли экспертизу. Обрывок билета, найденный в кармане летних брюк, эксперты идентифицировали. Это был клочок зеленоватой бумаги размером в несколько квадратных сантиметров, с крупной цифрой 12 посередине, внизу мелкие неразборчивые буквы, еще пара цифр, непонятно что обозначающих.

В акте экспертизы, который лег на стол Алексея Гончара, была сказано, что это кусочек билета на утреннее представление в новом здании цирка на Ленинских горах, которое состоялось 10 июня текущего года, ряд 12 место 34. Несколько билетов на утренник были проданы не через городские кассы, а через "Интурист". Утром Гончар дал задание Стасу Лыкову выяснить, кому именно продали билет, вечером Лыков вернулся с хорошими новостями, а следующим утром в московское и ленинградское управление КГБ были направлены срочные запросы. Оба ответа, а с ними тонкое досье и несколько фотографий мужчины лет сорока пяти, поступили фельдьегерской почтой через сутки.

Имя иностранца – Томас Нил, американец. Купил через "Интурист" индивидуальный тур по России. По программе пять дней он должен был знакомиться с Ленинградом, пять дней намеревался пожить в Москве, в гостинице "Минск", потом перелет в Волгоград – и там еще три дня с экскурсиями и походом в местный драматический театр. Первая часть поездки прошла более или менее гладко, – обычная программа иностранного туриста с посещением Эрмитажа, Царского села, и так называемого "Петербурга Достоевского". Как известно, все иностранцы обожают Федора Михайловича, особенно те, кто классика не читал.

Этот Том Нил не произвел на ленинградского переводчика и экскурсовода, – по совместительству штатного сотрудника КГБ, – особенного впечатления. Ничем не примечательный дядька, склонный к полноте, не блиставший эрудицией или интеллектом. Но доброжелательный, говорливый, улыбчивый, в целом приятный человек. Нил немного понимает по-русски, – якобы изучал язык в колледже. Сказал, что работает менеджером в крупном универмаге в Бостоне, женат, имеет двух дочерей, почти взрослых.

Гончар полистал бумажки, что пришли из Ленинградского управления КГБ, наблюдавшего все эти пять дней за Нилом. Иностранец не встречался с жителями города, не заговаривал с прохожими, разве что пару раз на ломаном русском спросил дорогу. Каждый вечер просиживал в барах при гостиницах, где обслуживают только иностранцев, предпочитал компанию интересных женщин, тамошних валютных проституток. Одна из них, внештатный осведомитель КГБ, написала в служебном донесении, что будучи навеселе Нил ругал коммунистов, – мол, им скоро конец, говорил, что из Брежнева и его соратников давно сыплется песок, что они впали в старческое слабоумие, смеялся над плакатами патриотического содержания, которыми украшен Ленинград. Он много пил и плохо себя контролировал. Во время экскурсий по городу американец не проявил живого интереса к Ленинграду, его истории, казалось, он просто отбывает время.

В Москву он прибыл на "Стреле", на вокзале Нила встретил капитан госбезопасности Юрий Щербаков, выполнявший обязанности переводчика и гида, проводил до гостиницы "Минск", сказал, что может принести билет на любые мероприятия: концерты, выставки или в театр. Все, что душа пожелает. Нил выбрал цирковое представление и посещение Дома художника на Крымском валу. И еще по рекомендации Щербакова посетил Музей революции, там он присел на лавочку возле окна и проспал целый час, проснувшись, заглянул в туалет и ушел.

Он пробыл в Москве с восьмого по тринадцатое июня, экскурсоводу сказал, что гостил здесь раньше, любит Москву и знает ее. Однако в архивах следы пребывания Нила в Москве не обнаружены. Почти все время Нил находился под опекой Щербакова или его сменщика из седьмого отдела КГБ, который специализировался на слежке за иностранными туристами.

В Москве не так много иностранцев из капиталистических стран, за всеми присматривают оперативники. Достопримечательности города Нила не интересовали, возможно, у него здесь были какие-то другие дела. С жителями Москвы на улицах или общественных местах он не встречался, за долгими разговорами не замечен.

Пару раз Нил отрывался от своих опекунов, оба раза ушел из гостиницы через черный ход, на некоторое время исчез, затем вернулся в номер. Где пропадал – неизвестно. Составлены отчеты, весьма подробные, о пребывании Нила в Москве. Он не дурак выпить, ценитель женской красоты. Выпивая, крыл чуть не матом советскую власть, болтал разные глупости и пошлости.

Обычно ужинал в гостинице "Минск", где и жил, однажды, – за день до отъезда в Волгоград, – пригласил местную проститутку составить ему компанию. Они посидели в баре, затем поднимались в номер. О том, что пропала сумка с носильными вещами, он никому не говорил, к экскурсоводу или администратору гостиницы не обращался. К исходу пятого дня Нил сказал, что плохо себя чувствует, обострилась застарелая язва, попросил заказать ему билет на рейс до Нью-Йорка, что Щербаков и сделал. Кстати, Щербаков точно не мог вспомнить была ли у Нила, когда тот прибыл из Ленинграда, довольно вместительная синяя сумка. Чемодан точно был, а вот сумка...

В последний день Нил выглядел расстроенным и подавленным, он несколько раз спустился в ресторан, заглядывал в бар, искал вчерашнюю знакомую, спросил у бармена, не появилась ли Вика, но женщины нигде не было. Нил улетел на следующий день. Имя женщины легкого поведения – Виктория Блохина. За воровство вещей или денег у иностранцев не привлекалась. Как правило, она остается в номере клиента на вечер, уходит, не дожидаясь утра. В отчете был адрес и телефон Вики. С органами госбезопасности не сотрудничает.

– Симпатичная, – сказал Гончар, разглядывая фотографии Блохиной. – И чего этим шлюхам надо? Чего им в жизни не хватает?

– Наверное, думают: скоплю денег на приданое, а дальше – начну новую честную жизнь. Своя правда в этом, наверное, есть. Я на немецком читал Ремарк "Триумфальную арку". Он пишет: лучшие жены, самые преданные, самые хозяйственные и добродетельные, – получаются из бывших проституток. Они не изменяют, не предадут...

– Много твой Ремарк понимает в шлюхах...

Гончар потянулся до хруста в костях, встал, подошел к окнам. Кисельный переулочек был пустым, служащие разошлись по домам, зажгли фонари, ветер гонял по тротуарам бумажный мусор, быстро темнело. Он задернул шторы, сел на кожаный диван, поставил на кофейный столик горячий электрический чайник и стограммовую банку растворимого кофе.

– Пока за хорошую работу премирую тебя чашкой кофе, – сказал Гончар. – Кстати, сделан в СССР. Дорогущий. Два рубля банка. Мне его в продовольственном заказе к празднику дали. Наслаждайся. После того, как закончим это дело, думаю, получим хорошую премию. А к ней, – весьма возможно, – внеочередное звание. Как тебе такой вариант?

– Ну, я об этом не мечтаю, – щеки Стаса зарделись румянцем, будто Гончар случайно угадал его тайную порочную мечту. – А в чем Ремарк ошибался?

– Нельзя в молодости наворовать досыта, а всю остальную жизнь остаться честным. Так и будешь воровать, до конца. Не может шлюха стать добродетельной женщиной. Нельзя делать подлости, и вдруг переродиться в порядочного человека. Нельзя убить, а дальше жить чистеньким. Каждый из нас покупает билет на свой поезд, – и делает выбор сознательно. Каждый из нас знает, на какой поезд он садится. А потом человек едет. До конечной остановки. Нельзя с этого поезда сойти, нельзя пересесть на другой поезд. Честный человек – получит по своим добродетелям. Для остальных людей есть две конечные остановки: тюрьма или преждевременная смерть.

– Ну, у вас целая философия.

Лыков взял чашку, отхлебнул кофе и подумал, что он в свое время, когда надо было делать выбор, – не ошибся. Стас Лыков сел на правильный поезд и едет в правильном направлении.

Глава 9

Рабочий телефон в кабинете Бориса молчал все утро, зазвонил ближе к полудню. Голос теткингого мужа Петра Ивановича Коркина или просто дяди Пети звучал напряженно, не сразу узнаешь.

– Катя умерла сегодня ночью, скоропостижно, ни на что не жаловалась и вдруг раз – и нет человека, – скороговоркой на одном дыхании выпалил он. – Проснулась, села на кровати и... Вдруг за сердце схватилась. Я вызвал "скорую". В три часа это было, они быстро приехали. И сказали, что уже все. Ничем не поможешь. Говорят, мы другую бригаду вызовем. Ну я прождал почти пять часов. Приехали. Забрали тело в морг. Я им дал четвертной. Ну, чтобы все нормально сделали... Чтобы все путем...

Борис не сразу сообразил, что речь идет о родной тетке. А когда понял, кто умер, на душе сделалось пусто и тоскливо.

– Да, да, – как эхо повторил Борис. – Чтобы все путем...

Он слушал, как Петр Иванович по второму разу теми же словами пересказал свою ночную одиссею, дополняя ее новыми подробностями. Уже приходил агент, сказал, что похоронить можно только на новом кладбище, называется – Хованское. Говорят, это голое поле с ямами и колдобинами, где-то у черта на рогах, у кольцевой дороги, – полдня нужно, чтобы туда добраться. Но выбора нет, пришлось согласиться.

– Хованское? – переспросил Борис и записал незнакомое слово на листке перекидного календаря. – Не слышал о таком...

Он думал, что тетка выбрала для смерти не самое удачное время. На работе накопилось сто тонн неразобранных бумаг, эта бумажная лавина накроет с головой, если ее не разгрести. На ближайшие дни запланированы два собрания комсомольского актива, важная встреча с заведующим сектором печати Московского обкома партии, и надо подготовиться. А тут эта неожиданная смерть, предстоящая возня с похоронами и поминками. Вот хоть бы неделей позже... Когда возникла пауза, Борис, сказал то, что принято в таких случаях, мол, могла бы еще пожить, что не старая была, человек хороший, всю жизнь работала, войну прошла, ранена, о себе забывала – все для людей... Слова были искренними, но звучали казенно. Однако дядя Петя на другом конце провода всхлипнул, надо думать, прослезился.

– Дядя Петя, чем я могу помочь? Деньги или чего...

– Деньги есть.

Бориса до глубины души удивляла способность людей, сидевших на скудных зарплатах, не только с голоду не умереть, но что-то отложить на черный день. У Бориса зарплата хорошая, плюс премии, и все равно, – от получки до аванса приходится сшибать пятерки и десятки. Его большой зарплаты хватало только на еду и карманные расходы. Если бы не заграничные командировки и Галя с ее предпринимательскими талантами, – жизнь могла превратиться в беспросветное копеечное существование, когда покупка пары ботинок или новой рубашки, – это первостатейное событие, которое запоминается на долгие годы.

– Вот если бы что из продуктов, – сказал дядя Петя. – Ну, на поминки. Колбасы, рыбы какой-нибудь. Ну, сам понимаешь... На стол поставить.

– Я постараюсь...

– Справка о смерти нужна? Ну, чтобы продукты достать?

– Думаю, мне поверят на слово.

Закончив разговор, он взял листок бумаги, написал заявление на имя секретаря профсоюзной организации с просьбой по случаю смерти тетки, заслуженного человека, участницы войны, помочь с продуктами для организации поминок. Он дважды перечитал текст, отодви-

нул листок на угол стола, позвонил Гале и сказал, что умерла тетка. Жена не удивилась и не огорчилась, даже не захотела сделать вид, будто смерть тетки краешком тронула душу.

Она помолчала и сказала:

– Понадобятся продукты. Ну, на поминки... Я позвоню Василию Лескову, ну, папиному референту. Он обязательно поможет. И перезвоню тебе в течение дня. Наверное, надо будет заехать в спец распределитель на улице Грановского. Это рядом с твоей работой. Попросишь у начальства машину и быстро съездишь...

Борис хотел сказать, что о теткинх поминках он сам позаботится, но смолчал, решив, что продукты не будут лишними. Он запер дверь кабинета и зашагал по коридору, глядя под ноги, не заметил, что навстречу торопится самый большой комсомольский начальник Советского Союза первый секретарь Центрального Комитета комсомола Борис Пастухов. Его сопровождал помощник и женщина секретарь, неаппетитная и немолодая.

– Привет, тезка, – Пастухов остановился, протянул руку, пожатие было крепким, а ладонь сухой и твердой, словно деревяшка. – Как дела на культурном фронте? Почему такой грустный?

Борис хотел сказать про смерть тетки, но Пастухов не ждал ответа, он поправил очки в золотой оправе и убежал. Моложавый и спортивный, он твердо усвоил, что, человеку с лишним весом трудно сделать карьеру в комсомоле. Комсомольцу надо казаться спортивным и уметь быстро бегать, – не только за девушками. Пастухов умел широко улыбаться, носил фирменные костюмы. Приятное открытое лицо и внимательные светлые глаза. Он похож на преуспевающего американского бизнесмена: деловой, непьющий, умный... Даже слишком умный. А это уже не черта человеческого характера, а медицинский диагноз. Того хуже – он был добрым человеком, этой добротой люди, плохие люди, умели пользоваться. Поэтому путь на самый верх для Пастухова был закрыт навсегда, выше министра ему не подняться. И, кажется, Пастухов об этом знал, и все окружающие тоже знали.

Подпись на заявлении Борис поставил быстро, это заняло всего четверть часа, затем он спустился вниз, в подвал, где помещалась кухня, и положил бумагу перед заведующей пищевым блоком, женщиной неопределенного возраста в белом халате и белом колпаке. Она вышла навстречу, встала по другую сторону пустого прилавка, обитого листами оцинкованного железа, и внимательно прочитала заявление.

– Справка о смерти нужна? – спросил Борис.

– Мы вам на слово верим, – ответила женщина. – Приходите завтра после обеда. Будет готово. Свежую говядину привезли. Я вам сделаю килограмма три. И килограмма три свиных ножек. На холодец. Хватит?

– Вполне, – машинально кивнул Борис. – Должно хватить.

* * *

В день теткинх похорон Борис взял такси и отправился в Сокольники, в морг при местной больнице. Вынос тела был назначен на полдень, но дядя Петя Коркин просил приехать пораньше, мало ли что... Сутулый, с потемневший лицом, он стоял один на заднем дворе двухэтажного дома красного кирпича, рядом с мусорными контейнерами. Он надел костюм, купленный еще лет тридцать назад, темно-синий, в узкую светлую полоску. Длинный свободный пиджак, двубортный, похожий на полупальто, и широченные брюки с отворотами, какие носили в пятидесятых годах. Белая застиранная рубашка, застегнутая на последнюю пуговицу, была велика на пару размеров, сморщенная шея с острым кадыком свободно болталась в воротничке. В руках авоська, а в ней объемистый сверток, какой-то предмет, завернутый в мятые газеты.

По небу плыли тяжелые облака, дул ветер, поднимавший пыль. Голубые выцветшие глаза Коркина слезились, наверное, от сильного ветра. Обеими ладонями он крепко ухватил руку

Борису, затряс ее, стал благодарить за продукты, которые ему накануне привезли, и не просто привезли, а на черной "Волге". Борис поморщился, мол какая там благодарность, это же его родная тетка, – и денег никаких не надо.

– Хорошие продукты, – сказал дядя Петя. – При жизни она таких даже и не видела.

– Что ж, в этой стране давно так: чтобы хорошо поесть, надо сначала умереть. Пора привыкать. Ты извини, что Галя не смогла приехать. Ее с работы непустили. В Пушкинском музее сегодня открытие международной выставки. Никак не могла... А про отца ты сам знаешь – он с сердцем в больнице, уже неделю.

– Знаю, знаю... Это ничего. Главное, – ты пришел.

Дядя Петя сказал, что уж второй час тут стоит, приехал к самому открытию морга, привез теткино коричневое платье, еще белье, нитяные чулки и туфли. Работник морга вещи взял, а про туфли сказал, что они дерьмо, только на помойку. А белых матерчатых тапочек у него нет, хоть за них заплачено, они в комплекте с гробом, цена – тридцать восемь копеек. Надо бы другие туфли купить, новые, время в запасе есть – два полных часа, даже с четвертью. Тут рядом, за мостом через Язу, универмаг, там женский обувной отдел должен быть.

– Дай-ка...

Борис взял авоську со свертком, развернул газету. Он увидел пару стоптанных туфель со сбитыми каблуками. Кожа потрескалась, одна перепонка оторвалась.

– Действительно, – только на помойку. Ничего лучше не нашел?

– Это и есть лучшая пара, – ответил дядя Петя.

– В таких туфлях только в ад пустят, если хорошо похлопотать. И то по нечетным дням.

Они вышли на улицу, встали у обочины, мимо проехали три такси с зелеными огоньками, но никто не остановился, будто не видели поднятой руки. Четвертая машина притормозила. Борис открыл дверь, сказал, что ехать до ближнего универмага, заплатит два счетчика. Таксист с красной мясной физиономией покачал головой:

– И за три не поеду. Мне в центр.

Наконец, остановился служебный "Москвич" с загадочной надписью вдоль кузова "аварийная". За три рубля сговорились, вышли возле универмага, поднялись по высокой лестнице. В толчее торговых залов нашли обувной отдел, на полках несколько пар войлочных сапог сорок второго размера и боты из резины, похожие на блестящие черные утюги, еще полусапожки, тоже резиновые. Борис пошептался с продавщицей, объяснил, что случай особый, обувь для покойницы, он заплатит, сколько скажут, без торга.

Девушка ушла куда-то, вернулась вместе с пожилой женщиной, заведующей секцией. Та сделала скорбное лицо и сказала, что родственники усопших сюда чуть не каждый день приходят с такими просьбами. Она и рада помочь, но хоть режь, хоть ешь ее, а туфель тридцать восьмого размера все равно нет, даже на складе. Ни черных, ни белых, ни импортных, ни отечественных, – никаких. Ни за какие деньги, хоть за миллион. Но вот добрый совет: если человеку в последний путь нужна обувь, идите в секцию спортивных товаров. Там стоят импортные кожаные тапочки "чешки", ну, в которых девочки на уроки физкультуры ходят. Купите, – останетесь довольны. Они как раз белого цвета, очень аккуратные на вид, надо на размер больше брать, тогда точно налезут.

В спортивной секции Борис повертел в руках пару белых "чешек", вздохнул и пробил в кассе четыре рубля двадцать копеек. Обрато к моргу вернулись на четырнадцатом троллейбусе, Борис вошел внутрь, коротко переговорил с мужиком в рабочем халате. Но тот тапки не взял, мол, сейчас нет времени этим заниматься, одевают другого усопшего, если хотите – ждите, а нет, – сами на покойницу чешки надевайте. Они спустились в подвал, тетка лежала в гробу, уже одетая в темное кримпленовое платье с длинными рукавами.

Мужик в халате получил свой червонец, включил лампу и ушел. Какое-то время Борис возился с тапками, стараясь натянуть их на подагрические шишковатые ноги, шептал прокля-

тия себе под нос и пыхтел от натуги. Надо было на два размера больше брать, даже на три. Хорошо перочинный ножик оказался в кармане. Он распорол по шву задники тапок, кое-как натянул их, перевел дух и пошел наверх.

С поминок Борис вернулся рано, еще засветло, трезвый и злой. Пока шел от метро, промок под проливным дождем. Галя была на работе. Он разделся, помотался из комнаты в комнату. Сел на кровать. У дяди Пети он попросил на память о тетке какую-нибудь вещицу, которую та любила. Но выбрать было не из чего. Дядя Петя полез куда-то в шкаф, достал деревянную шкатулку, на крышке под слоем лака рисунок: два желтых листика.

Борис поставил шкатулку на прикроватную тумбочку, протер ее носовым платком. И подумал, что для дяди Пети теперь начнется другая жизнь, одинокая и тяжелая. Он младше жены на девять лет, тетка не давала ему пить. А дядя Петя, хоть и на пенсии уже второй год, работу сварщика на вагоноремонтном заводе не бросал. Теперь бросит. Сколько он один протянет на копеечной пенсии: год-другой, – не больше. И ничего уже не изменишь, и не сможешь ничем. Борис глубоко вздохнул и заплакал.

Глава 10

Утром в субботу Галя затеяла разговор, наверное, сотый по счету, про кооперативную квартиру, повторила все, что уже было сказано. Провести остаток дней в этой клетушке она не хочет и не может, это даже не квартира, а крысиная нора, темная и душная. Сюда стыдно пригласить приличного человека, невозможно собрать дружеское застолье, места мало, гости натыкаются друг на друга, как слепые щенки, покурить негде, потому что балкона нет. С проспекта Мира днем и ночью слышен гул автомобилей, дышать этой вонью невозможно, Галя мучается бессонницей, но если заснет, ночью разбудят сирены "скорой помощи" или стуки по батарее отопления...

Она уже посоветовалась с одним полезным человеком, он всей душой хочет помочь, это Антон Иванович Быстрицкий – адвокат по гражданским делам, хорошо известный в культурных кругах Москвы, а недавно избран председателем нового жилищного кооператива кинематографистов, строительство дома вот-вот начнется, все документы готовы, списки жильцов составлены. Ну, Борис должен помнить Быстрицкого, в прошлом месяце они встречались в Доме литераторов. Действительно, месяц назад жена затащила Бориса в ресторан, за соседним столиком ужинал какой-то импозантный мужчина лет сорока пяти в очках с дымчатыми стеклами, модном пиджаке в крупную клетку, при галстуке и золотых запонках.

Еще у него был большой бумажник, плотно набитый деньгами, – эта деталь хорошо запомнилась. Быстрицкий часто вытаскивал бумажник, доставал визитные карточки и совал их всем подряд. Он хотел произвести впечатление утонченной натуры и светского льва, – при таких-то деньгах это нетрудно. Дело портили бегающие темные глазки, запрятанные под густыми бровями и дрожащие влажные руки. Антон называл себя режиссером, хотя не снял ни одного фильма. Видимо, он знал другие, более простые и верные способы скорого обогащения. Рассказывал, будто сам Тарковский, приступая к новому проекту, всегда присылал ему сценарии и спрашивал совета, а с Бондарчуком они друзья детства, хотя в последнее время отношения разладились.

Тогда в ресторане Антон долго шептался с Галей, спустя неделю появился в их доме, осмотрел обе комнаты и кухню, заглянув в туалет и кладовку. Он сокрушенно покачал головой и сказал, что красивая женщине не может жить в таких чудовищных условиях. И еще что-то о женской красоте... А, вот что. Он сказал, что красота – это продукт скоропортящийся, а красивому бриллианту нужна соответствующая оправа. Изрек еще какие-то убогие банальности и ушел.

Галя тогда заявила, что появилась возможность вступить в кооператив кинематографистов, у них есть четырехкомнатная квартира, дорогая, но шикарная, она стоит своих денег. Все абсолютно законно, ведь Борис в каком-то смысле тоже кинематографист. В соавторстве он написал три сценария документальных фильмов об истории комсомольской организации, один сценарий экранизирован, два ждут своего часа. Да, пока Борис не член Союза кинематографистов, но это дело десятое, – так сказал Антон.

Действительно, была такая история, старая, почти забытая – когда-то Борис помогал писать сценарии документальных фильмов об истории комсомола двум парням, профессиональным сценаристам, в титрах фильма "Незабываемые годы" есть его имя. Словом, – можно влезть в кооператив кинематографистов, если быстро раздобыть тридцать тысяч рублей на первый взнос. Сумма астрономическая, но это только на первый взгляд. Надо просто уметь жить, вертеться, – тогда и деньги будут. Галя кое-что соберет у своих друзей. А Борис скоро едет за границу, там купит видеомагнитофон и вещи, которые перепродадут в Москве. Словом, деньги они соберут.

В крайнем случае можно обратиться к отцу, но этот вариант пока лучше даже не обсуждать. Отец не любит помогать детям, – если только бесплатным советом, он старомодный человек и полагает, что деньги людей портят. Вчера вечером звонил Антон, откуда-то он узнал, что на работе Бориса специально для комсомольского начальства распределяют машины: шесть "жигулей" и две "Волги". И Борису ничего не стоит взять любую из этих машин, никакого ажиотажа нет. Все начальники давно купили себе, что хотели. Надо только написать заявление в профсоюзный комитет, – внести деньги и получить "Волгу".

И вот прямо сейчас Антон просит встретиться с Борисом, это займет всего час-другой, есть важный разговор. Кроме того, Антон обещает уже в этом месяце внести их в список кооператива кинематографистов. Надо встретиться и все обтяпать, – важные вопросы по телефону не решают. Борис не стал говорить, что на единственный выходной у него были другие планы, – Галя все равно настаивает на своем. Он выругался про себя, набрал номер Антона и договорился о встрече в четыре вечера в пивной на Пушкинской улице. Заведение называли "ямой", – это был старинный подвал под сводчатым потолком, где поставили пивные автоматы и продавали по пятьдесят копеек порции вареных креветок и копченую скумбрию.

* * *

Борис приехал минута в минуту, купил закуску и пиво. Народа было немного, у высоких столов, стояли хмельные мужчины, все курили и громко разговаривали. Антон, одетый в бежевый в светлую клетку пиджак и шелковую бордовую рубашку, забился в темный угол. От него пахло селедкой пряного посола и французским одеколоном. Антон из вежливости поболтал о поездке в Пицунду, – компанию ему составила известная артистка, вскользь затронул женскую тему и перешел к делу.

Сказал, что искренне по-дружески симпатизирует жене Бориса и ему самому, такому молодому и симпатичному, но жизнь, – как это ни банально, всего одна, – и, если есть возможность, надо прожить ее в хорошей квартире, а не в тесной ночлежке, пропахшей мышиним дерьмом. Самое время схватить удачу за теплое место. У Антона есть друг по имени Игорь, очень обеспеченный человек, который хочет купить "Волгу – 24", а она простым гражданам не продается. У нас без очереди только "Москвич" и "Запорожец" – но эти колымаги и машинами не назовешь. Игорь может взять с переплатой "Жигули", но интересуется "Волгой".

Свою он разбил пару месяцев назад, теперь страдает. У Бориса на работе сейчас распределяют машины, можно купить "Волгу" без проблем по государственной цене – девять тысяч рублей. А Игорь с удовольствием возьмет машину за тридцать тысяч. Деньги у него есть, человек он нескупой. Все будущие хлопоты Бориса, – это написать заявление на машину и внести первый взнос на кооператив. А через год, а то и раньше, можно будет въезжать в новую квартиру. Если разобраться – дел всего на пару дней, а чистая прибыль двадцать одна тысяча.

– Как вам перспектива? Нравится?

– А вы когда-нибудь открывали книжку под названием "Уголовный кодекс"? – усмехнулся Борис. – Там есть статья: спекуляция. Реальный срок мне не дадут. Все-таки первый раз, плюс положительная характеристика с места работы. Ну, возьмут на поруки, в крайнем случае дадут условно. Но с должности сгонят. И пойду я наниматься на кирпичный завод, работаю. Короче, мне не нужны неприятности.

– Вы же сами знаете, что это фантазии. С таким-то тестем... За ним вы как за каменной стеной. Подобным бизнесом с машинами все занимаются, ну, у кого есть такая возможность. Факт спекуляции чертовски трудно доказать. Ну, купили вы машину. А вам вдруг срочно понадобились деньги. Вы машину продали. К чему тут придраться? В чем криминал? А Игорь – может вам пригодиться. Он полезный человек. Запросто достанет все, что угодно. Фирмен-

ные тряпки, любые продукты, импортные лекарства, Луну с неба. Даже путевку в Болгарию... Единственная его проблема – это "Волга".

– Вы говорите лекарства?

– Любые. Самые дефицитные.

– Чем занимается этот Игорь?

– Это в каком смысле? А-а-а, понял... Профессия? Ну и вопросы у вас. Сразу видно, что на заре туманной юности вы работали в милиции. Игорь – просто хороший человек. В нашей стране – это уже много. Это почти профессия. Он делает добрые дела. Ведь кто-то должен делать добро, а не коммунизм строить.

– Поконкретнее, если можно.

– Половину своего времени он проводит в Средней Азии, в основном в Душанбе, – Антон снял очки и протер стекла голубом платочком. – Наверное, вы знаете тамошние порядки. Магазинов мало, но много рынков, частного сектора. Человеческий труд ничего не стоит. Игорь руководит артелями, которые производят всякий ширпотреб: резиновые коврики для машин, шлепанцы, женские заколки. Они даже в Москве продаются, в любом табачном ларьке – по три с полтиной. Короче, он производит десятки тонн этого хлама, честно платит налоги. Народ все считает с прилавков. Выручка огромная, потратить ее в Советском Союзе – чертовски трудно. У Игоря квартира в Москве, в Ленинграде... Но наша страна – увы, не самое веселое место для обеспеченного человека.

Мысли Бориса крутились вокруг кооперативной квартиры. Если с ним случится худшее из того, что может случиться, Галя запросто может лишиться государственной квартиры, в которой сейчас прописана. Опишут и конфискуют все имущество, а ее просто вышвырнут на улицу. Если квартира своя, кооперативная, – дело может повернуться иначе. Свою квартиру вряд ли станут отбирать, из Москвы Гаю не выселят. Да, квартира наверняка останется, – гэбешники побоятся громкого скандала, который эхом прокатится по всей Москве.

Возможно, этот вариант с кооперативом сам Бог послал. Антон прав: риска почти никакого, факт спекуляции доказать очень трудно, да и кто станет этим заниматься... Борис знаком с парочкой партийных работников среднего звена, которые каждый год получают на работе талон на новые "Жигули", берут машину в Южном порту и в тот же день перепродают за две цены знакомым торгашам. И все об этом знают, но закрывают глаза, потому что... Всем на все плевать. Перепродать "Волгу" денежному мешку из Душанбе – святое дело. Галя всегда и во всем права: видишь шанс – хватай его, а не разевай рот.

Антон нетерпеливо топтался на месте.

– Игорь сейчас в Москве, остановился в гостинице "Центральная", – так ему удобнее. Это буквально два шага отсюда. Давайте, я ему позвоню, мы встретимся и все решим прямо сейчас?

– Ну, попробуем.

Антон помчался к телефону-автомату, что стоял на другой стороне Пушкинской улицы, вернулся через пять минут и сказал, что им везет: Игорь на месте, у себя в номере, он закажет столик в гостиничном ресторане и будет ждать. Взяли еще по кружке, Антон заметно повеселел и рассказал скабрезную историю про известную артистку, которую удалось соблазнить буквально на днях, и ее тупого мужа. А на закуску – пару анекдотов, за которые при Сталине рассказчику и слушателю совали по десять лет лагерей.

Глава 11

Огромные, почти в два человеческих роста, витрины ресторана "Центральный" выходили на улицу Горького и были прикрыты прозрачными белыми занавесками, столики стояли на одном уровне с тротуаром. Борис, сидевший лицом к улице, машинально перебирал глазами прохожих, ошалевших от душного дня, кусок плохо прожаренного мяса не лез в горло. Справа устроился Антон, он пил пиво, часто поднимался и, извинившись, выходил в туалет.

Слева в кресле развалился Игорь, мужчина лет под сорок, среднего сложения, одетый в тонкую кожаную куртку и модную марлевую рубашку с накладными карманами. Глядя на собеседника, он всегда наклонял голову набок и шурился, будто плохо видел. Пил мало, говорил негромко, в основном о каких-то пустяках. Он пришел сюда с дамой по имени Лиза, высокой и худой, у нее был породистый с горбинкой нос и глубокие сапфировые глаза. Лиза редко улыбалась, откидывала голову назад, поднимала подбородок и, поэтому казалась немного старомодной и надменной. Она курила американские ментоловые сигареты, насаживая их на костяной мундштук. Время от времени к столу подсаживался крупный парень в синем костюме, некий Олег Пронин, он придвигал стул к Игорю и что-то горячо шептал ему на ухо, получал указания и быстро уходил, но через некоторое время возвращался назад и снова что-то шептал хозяйину.

– Много хлопот даже в выходные, – сказал Игорь, когда его помощник, получив новую порцию указаний, ушел. – Хочется поболтать с друзьями, отдохнуть. Вместо этого надо договариваться о том, чтобы с завода полимерных материалов отпустили пару тонн синтетического каучука. Ну, в одной моей артели из него делают разный ширпотреб. Этот каучук задаром никому не нужен, валяется годами на складах. Но купить его невозможно. Потому что у меня индивидуальное предприятие... Не государственное. Значит, я человек второго сорта.

– Игорь – это скучно, – сказала Лиза низким грудным голосом.

– Давайте о веселом, – сказал Игорь. – Недавно по делам был в Ульяновске. Для тех кто забыл – это родина Ленина. Через одного большого человека устроился в гостиницу обкома партии. Все очень прилично, – люкс, с душем и туалетом. Кафель и даже импортный унитаз. И тараканов не видно. Как всегда, встречи с нужным человеком пришлось ждать. Не часами – сутками. Я взял с собой пару книг, в том числе самиздатовского Кафку, но за два пустых дня их легко одолел. К третьему дню я понял, что провинциальная скука – страшная отравка, хуже водки. В больших количествах, – просто смерть. Можно дуба врезать с непривычки.

Лиза засмеялась и прикурила новую сигарету. На эстраду вышли четверо музыкантов, стали настраивать инструменты.

– Водку не люблю, в карты играть не с кем, – продолжил Игорь. – В кино крутят два фильма на весь город, оба наши. И те, падлы, старые. Один про горняков, как они друг с другом соревновались, кто больше угля нарубит. Другой – тоже про рабочих, как они пошли к управляющему трестом и от премии отказались. Из принципа, мол, мы на премию не поработали. Ну, посмотрел, делать-то нечего. И снова засыхаю от скуки. Тогда мой знакомый организовал индивидуальную экскурсию по ленинскому мемориальному комплексу, – раз в неделю там санитарный день. Ну, в окружении полусгнивших деревянных хибар стоит циклопическое сооружение из стекла и гранита. Идем мы с экскурсоводом, стройной девочкой, такой бы в кордебалет, – по этому комплексу. Смотрю, – под стеклянным куполом памятник Ленину из цельной глыбы белого мрамора. Высота шесть-семь этажей, не меньше. Простенько и со вкусом. Внизу замерли в карауле два пионера. А ведь зрителей нет, чего в карауле стоять? Перед кем выдрючиваться?

Он оборвал монолог, глянул на Бориса:

– Ничего, что я на запретные темы? Или тебе это в лом?

– Все нормально... Давай.

– Ладно. Там они рядом с этим роскошным ленинским дворцом поставили рубленый дом, точную копию того, в котором жила семья Ульяновых. Там экспонаты в витринах: вещички Ильича. Ну, якобы единственное его пальто. Прохаря стоптанные, шкары, протертые в паху. Такой он был скромный, что второго пальто не мог себе позволить. Чуть лишняя копейка заведется, – детям отдавал или на всемирную революцию. И вот эта телка из кордебалета мне мозги парит. А базар про ленинскую скромность еще со школы, – мне поперек яиц. Я и говорю: слушай, я темный человек. Ты объясни: вот горстка евреев эту революцию сделала, да еще на немецкие деньги, а мне, – русскому человеку и православному христианину, – всю жизнь надо мучиться при недоразвитом коммунизме? Кстати, в твоём Ильиче не было капли русской крови. Почему же единственную жизнь я должен прожить именно так, как завещал великий Ленин? Мать его оглоблей в то самое место, из какого он вылез... Эта девчонка сначала онемела, потом побледнела, затем позеленела. Стоит, рот открыт, на глазах слезы. Думал, в обморок бухнется. Или инфаркт... И умрет она с именем Ленина на устах. Прямо у меня на руках. А я ее пощупаю перед смертью. Так и быть, – девственности лишу.

– Ну, хватит, Игорь, – Лиза прикурила сигарету. – Тут в зале полно товарищей с Лубянки. Сидят, уши развесили. А ты травишь про Ленина.

На улице зажгли фонари. Оркестр приступил к первой, обязательной, части программы: песни о родине и о войне. Из туалета вернулся Антон, пробормотал "я дико извиняюсь" и стал протирать очки.

– Что-нибудь решили? – спросил он.

– Давай так, – сказал Игорь. – Я прямо сейчас даю пятнадцать штук. Остальное – в день, когда получу "Волгу". У нотариуса заверять не будем. Людям и так верю. Годится?

Он наклонил голову и, прищурившись, будто свет резал глаза, внимательно посмотрел на Бориса. Тот задумался, но ненадолго, всего на пять секунд. В душе он был готов к такому предложению.

– Годится.

– Паспорт с собой?

Борис кивнул.

– Тогда вот что, Антон. Поднимайтесь в номер. Пусть Борис напишет расписку. Так и так, взял в долг пятнадцать штукарей. Обязуюсь вернуть через месяц. Олег Пронин отстегнет пятнашку, он в курсе. А я тут еще должен человека одного дожидаться. Дел, как всегда, выше крыши. А потом у нас культурная программа. Идем в театр оперетты. Будем слушать "Летучую мышь". Татьяна Шмыга, наша пятидесятилетняя примадонна, в роли юной любовницы. Занятно.

Он встал, протянул руку, пожатие оказалось неожиданно крепким.

* * *

Борис с Антоном лифтом поднялись на последний этаж, оказались в бесконечном узком коридоре с пожелтевшими обоями и трухлявым паркетом. Номера на дверях написаны от руки химическим карандашом. Пахло подгоревшей кашей, слышались чьи-то голоса, кажется, они доносились с потолка. Навстречу попался мертвецки пьяный мужчина, которого тащила к себе в комнату молодая особа. Завернули за угол, там новый коридор, еще длиннее и темнее. Ну и помойка... Больше похоже на ночлежку или провинциальное общежитие, чем на центральную гостиницу, что стоит почти напротив городского Совета народных депутатов, в километре от Красной площади.

Антон постучал в дверь без номера, толкнул ее и вошел. Обстановка здесь была едва ли лучше, чем в коридоре. Окна, выходящие на внутренний двор покрывала источавшаяся от старости желтая простыня. Один напротив другого стояли два дивана, на дальнем спал

незнакомый мужчина в майке и приспущенных до колен трусах, на другом диване сидел Олег, он листал журнал "Америка". Без лишних слов он выдвинул из-под стола тяжелый железный ящик, открыл ключом замок, вынул пачку денег, сотенными пятидесятирублевыми купюрами. Веером разложил деньги на журнальном столике, дважды пересчитал. Затем дважды пересчитал деньги Борис. На листке школьной тетрадки он написал расписку, мол, беру деньги у такого-то гражданина в займы, сроком на один месяц. Записал паспортные данные, поставил дату и расписался. Завернул деньги в газету, а газету сунул в бумажный пакет из-под сахара, который валялся тут же, на полу.

Четверть часа они с Антоном ловили такси, возвращались в одной машине, – по пути. Антон задремал сзади, а когда проснулся, – потерял очки и долго шарил руками под сидением. Наконец, протер стекла платком и сказал, что через пару недель на общем собрании пайщиков он предложит включить Бориса и его очаровательную супругу в кооператив "Заря". Дело, можно сказать, формальное, считай, что сделано. Тогда можно будет внести первый взнос и подождать окончания строительства.

– Кстати, почему ваш тесть не может как-то помочь с квартирой?

– Он считает, что человек должен сам о себе заботиться, – ответил Борис. – Не надеяться ни на кого. Он выбился из самых низов. Отца не помнит. Вырос в рабочем поселке, мать торговала в лавке. Ушел на фронт мальчишкой. Служил в десанте. Во время первой боевой операции в тыл немцев забросили шесть сотен бойцов. Надо было выполнить задание и выйти к своим. Вернулось трое. Тесть получил орден. По-моему та война убила в нем все человеческое. Не все, но что-то очень важное. Дети для него немного значат. И деньги тоже. У него на первом месте – карьера. Близость к власти. Еще, может быть, – женщины. Я не попросил у него стакан воды, даже если бы умирал от жажды... Хотя, он бы все равно не принес.

Антон не дослушал, снова уснул, очки сползли на кончик носа и упали. В эту минуту Борис подумал, что напрасно взял деньги, поторопился. Нельзя было связываться с этими людьми. Он постарался успокоить себя мыслью, что скоро получит машину и забудет, как звали новых знакомых, но почему-то легче не стало.

Глава 12

К дому Вики Блохиной в Новых Черемушках подъехали под вечер. У подъезда стояла машина с оперативниками, которые вели наблюдение с утра. В салоне сидели два крепких парня и слушали радио. Старший доложил Гончару, что Вика выходила в полдень, провела около часа в парикмахерской, – это рядом, – и вернулась. Видимо, сейчас собирается на работу. Пока Гончар слушал доклад и задавал вопросы, Стас Лыков стоял возле машины и разглядывал окрестности. Впереди новостройка, башня в двенадцать этажей, где жила Вика, справа и слева пустыри, перекопанные экскаваторами, там, за заборами, начинали новые стройки.

Город накрыли первые сумерки, вдалеке грохотал гром, долетал запах дождя, но гроза, кажется, пройдет стороной. Гончар закончил разговор, кивнул Стасу, они вошли в подъезд и лифтом поднялись на последний этаж. Здесь пахло свежей краской и обойным клеем. Гончар минуту постоял перед дверью, прислушиваясь к звукам, потом нажал кнопку звонка. Дверь открылась на длину цепочки, Гончар раскрыл удостоверение и сказал.

– Комитет госбезопасности, открывай.

Вика распахнула дверь, пропустила незваных гостей в прихожую. Это была выразительная брюнетка с большими зелеными глазами и чувственными губами. На Вике было синее вечернее платье с глубоким вырезом, на ногах серебряные туфельки, – если фотографию такой девочки поместить на обложку журнала "Работница", тираж раскупят за полчаса. Она побледнела и заволновалась, не зная, как себя вести. Стас заглянул в комнату, на балкон, на кухню и в ванную, убедился, что в квартире никого.

Гончар быстро успокоил хозяйку. Сказал, что разговор – не официальный, а доверительный, почти дружеский. Они зададут несколько вопросов об одном иностранце, с которым Вика познакомилась недавно, – и на этом все. Разумеется, от нее ждут только правдивых ответов. Одно слово вранья – и обижаться будет не на кого. Разговор продолжится в казенном доме, а дальше – Виду лишат московской прописки и этой вот новой квартиры тоже лишат, и вытряхнут из города за сто первый километр. В тех местах иностранцев нет, Вике придется устроиться на тяжелую работу, скажем, подсобной рабочей в баню или землекопом, ну, чтобы себя прокормить. Впрочем, хорошо еще, если не посадят, а небо в клеточку можно легко устроить. Вика заплакала. Сели на кухне за столом, Гончар показал фотографию Томаса Нила.

– Вы встретились с ним в гостинице "Минск" тринадцатого июня вечером, – сказал Гончар. – Вот и расскажи мне все свои приключения. Весь этот вечер, подробно. От и до.

– Я говорить могу долго, – голос Вики дрожал. – Вы скажите, что интересует?

– У этого мужчины с фотографии украли вещи. Среди тряпок были негативы, которые меня интересуют. Ну, это такие пленки, с которых фотографии печатают.

– Что я, неграмотная? У меня между прочим – десять классов и техникум.

Вика опять заплакала, потом долго успокаивалась, курила и вертела на пальце золотое колечко с красным камушком. Наконец, справилась с собой и обрела дар речи. Тот день она хорошо помнит, у нее вообще память отличная. Утром она позвонила сутенеру Тимуру Клепачу: может быть есть какие-то заказы от иностранцев, работа в гостиничных номерах или на дому? Но Клепач был мертвецки пьян уже в полдень. Он сказал, что работы нет и бросил трубку. Пришлось идти на старое постоянное место в гостиницу "Минск". Не бог весть что, но на кусок хлеба заработать можно.

Она устроилась в баре у стойки, заказала коктейль и орешки. Начало вечера вышло неудачным. Публика – лоховская, ну, из социалистических стран. Престарелые мужички со своими толстыми женами. Такие кадры доллары в руках никогда не держали. Они тоже, вроде русских, на своих заводах и фабриках получают профсоюзные путевки за три рубля шестьдесят две копейки и едут в Россию, чтобы погулять по ВДНХ и Красной площади.

С одинокими мужчинами, иногда можно договориться и продать любовь не за деньги, за вещи. Но тут другое затруднение. Публика из соцстран и одета почти как наши, – ширпотреб с этикетками "Сделано в Венгрии". Постояльцы гостиницы медленно заполняли ресторанный зал, ужинали, – при этом многие даже вина не заказывали, и уходили обратно в номера. Вика готовилась скоротать длинный и скучный вечер, без надежды познакомиться с западным туристом. Мысли ее приняли иной оборот: хорошо, если из наших командировочных с крайнего севера кто подвернется, такие по пьяной лавочке денег не считают, их легко выставить на хороший ужин и еще две сотенные обломаются.

Время шло, Вика сидела у стойки, тянула коктейль "шампань-коблер" – такая сладкая гадость, от которой кишки слипаются, – два рубля за стакан, – и тосковала. Клиента не видно, десятый час ночи, шансы таяли. А по темным углам ожидали своего счастья три конкурентки. Вообще этот "Минск" гостиница паршивая, даром, что стоит на бойком месте, на улице Горького. Маленькая, с низкими потолками, ресторан скучный, похож на вокзальный зал ожидания и музыка как на кладбище. Но, – главное, – солидных денежных иностранцев здесь мало селят.

Вика пробовала пробиться в высшую лигу, то есть стать своей в гостинице "Националь", что напротив Кремля, – но там свой контингент, – секс бомбы союзного значения. И свободных мест в том райском саду не ожидается, даже для таких красавиц как Вика. Она выудила из пачки последнюю сигарету "БТ", когда появился Максим Зозуля, – не кличка, настоящее имя. Это гостиничный вор, который для своих делишек иногда использует местных девочек. Через них получает ключи от номеров иностранцев и обчищает их.

Он подсел к Вике, заказал выпивку, они поболтали минут десять. Зозуля сказал, что ему сегодня не помешает какой-нибудь ключик. Вика ответила, что сегодня полный штиль. А он сказал, если все-таки клюнет, – Вика знает что делать дальше. Ну, пару раз она работали с этим парнем. Он такой симпатичный, никогда не ругается, немного говорит по-английски и по-немецки. Еще – он отлично одет, от иностранца не отличишь, и пахнет от него приятно. Зозуля исчез, а через пять минут, когда Вика собралась уходить, в бар вошел этот Майкл. Ну, так он позже представился.

Он сел рядом и все пошло, как обычно... Он знал всего несколько слов по-русски, зато Вика многое может сказать по-английски. С произношением не очень, но понять ее можно. Майкл – это мужчина лет сорока восьми, в синем кардигане на молнии, серых спортивных брюках и мокасинах. Он был пьяный, когда переступил порог бара. То есть буквально на бровях пришел. А потом, когда они выпили по коктейлю и по две порции "Джек Дениелс" он совсем окосел. Вцепился ей в локоть и потащил в номер.

Глава 13

Вика, курила и рассказывала, как они залезли в постель, и у Майкла все не получалось, все никак... Хотя она очень старалась, но, когда мужчине под пятьдесят, надо выбирать между выпивкой и женщиной, – что-то одно. А два удовольствия сразу – это для молодых. Господи, и почему пьяные мужчины вечно хотят не удовольствие получить, а самим себе что-то доказать... Ну, а дальше – все как обычно. Он быстро заснул, но сначала открыл бумажник и сунул ей сорок долларов. Подумал секунду и заткнул кошелек под подушку. Видно, был уже ученый бабами.

Она оделась, взяла ключ от номера, спустилась вниз на лифте и вышла через главный вход, сунув швейцару десятку, – обычная такса. А потом обошла гостиницу, сзади стояли "Жигули" Зозули яркого канареечного цвета. Заднее стекло чуть опущено, всего на несколько миллиметров, но этого хватит... Она отстегнула от ключа бирку и сунула его в щель. И на этом все. Вышла на улицу Горького, постояла минут десять на обочине, поймала такси и отправилась домой.

Зозуля позвонил на следующий день утром, сказал, что денег у иностранца не было, но кое-какие вещички под руку попались. Вика должна взглянуть: если что понравится, может оставить себе. Они встретились в Серебряном Бору у пляжа. Зозуля попросил ее посидеть в машине, покараулить, а сам пошел купаться. Вика села на заднее сидение, порылась в сумке, у ее парня примерно пятьдесят второй размер, как у Майкла. Она выбрала три рубашки, фирменных, самых лучших и пару летних ботинок, тоже новых, на них муха не сидела. На этом все. Дождалась Зозулю, вышла из машины, испугалась и поехала домой.

Взял Зозуля бумажник того иностранца или нет, – не проверишь. Наверное, взял, но делиться не хотел. Без бумажника он не ушел бы. Собственно, там, в машине, Вика и увидела эти негативы. Один единственный раз. Зозуля шарится по гостиницам часто, когда попадают фирменные вещи, отвозит их какой-то скупщице, та живет в районе Лосинки, в частном доме. Сам ночует на съемных квартирах, часто меняет адреса. Тогда в баре он сболтнул, что живет в однушке в районе Профсоюзной, вытащил рублевую купюру, написал на ней номер телефона и дал Вике. Она открыла кухонную полку, порылась в железной банке и положила на стол рубль с телефонным номером. Вот и весь рассказ, больше вспомнить нечего.

– Ответ на один вопрос, только правду, – лицо Гончара сделалось напряженным. – Лучше тебе не врать сейчас. Иначе... Ничего хорошего не жди. Проведешь в кандее месяц. На воде и хлебе. Будешь сидеть, пока я правды не услышу. Итак, вопрос: ты смотрела негативы?

– Я же сказала, что сама нашла их в сумке. Стала в ней копаться, рукой провела – что-то есть за подкладкой. А они, – в маленьком кармашке. Четыре кассеты с пленками. Ну, вытащила, посмотрела на свет. То ли рисунки, то ли чертежи. Бросила обратно. На кой мне они...

– Значит, негативы ты видела? А кто еще их видел?

– Не знаю. Может, Зозуля.

– Так он видел или нет?

– Почем я знаю? Он мне не докладывается.

Гончар повторил те же вопросы еще несколько раз, но другими словами, и получил те же ответы. Лыков, не проронив ни слова, весь разговор, словно провинившийся школьник, простоял в углу, у стены, облицованной кафелем. Когда Вика коротко пересказала постельную сцену с иностранцем, он отвел взгляд, сделав вид, что разглядывает темное окно, и густо покраснел, от этого смутился еще сильнее. Гончар хотел сказать: "Ну что ты краснеешь как девица, которой хулиган задрал подол платья. Ты же мужчина". Но тоже сделал вид, будто ничего не заметил.

Зазвонил телефон, Гончар что-то буркнул в трубку и положил ее на место. Помолчал и сказал, что сейчас поднимутся оперативники, они быстро составят протокол допроса и уйдут. Вика почему-то заволновалась, вспомнила, что Гончар обещал без протокола. Но тут позвонили в дверь, вошли два опера, дежуривших у дома. Они пригласили хозяйку в комнату для разговора. Вика продолжала сидеть на кухонном табурете, она разволновалась еще сильнее, она мяла платочек и боролась с неожиданной икотой.

Один из гостей, зашел на кухню, вопросительно посмотрел на Гончара. Тот тоже вышел в коридор, но быстро вернулся, и голосом, не допускающим возражений, сказал, чтобы Вика прошла в комнату. Она поднялась и вышла. Стас Лыков остался один, он подошел к окну и стал смотреть вниз. За забором виден котлован дома, освещенный прожекторами, строители спешат, работают даже поздним вечером. За стройкой большой темный пустырь. В небе высыпали мелкие звездочки. Стас, услышав женский крик, вздрогнул.

Он примерно представлял, что происходит в соседней комнате. Гончар называл это закреплением показаний, – надо убедиться на все сто, что во время разговора на кухне Вика не соврала. Это неприятная процедура, но и эту работу приходится выполнять. Вика вскрикивала еще несколько раз, но уже тише, видимо, кто-то догадался обмотать ее голову полотенцем или зажать рот подушкой. Через четверть часа Гончар позвал его. В комнате все было перевернуто вверх дном. Один оперативник ушел, другой сидел в кресле и курил, стряхивая пепел на пол. На диване лежала Вика в разорванном платье, она не шевелилась и, кажется, не дышала. Лицо было залито кровью, рот – широко открыт.

– Проверь на кухне банки с крупой, – приказал Гончар. – Бабы вечно кладут в банки что-то важное.

Минут десять Стас возился в кухне. Он открывал банки с чаем, сахаром и крупой, высыпал содержимое на пол и смотрел, нет ли чего интересного. Потом он обыскал сервант и тумбочку – ничего. Он вернулся и доложил, что на кухне ничего не обнаружено. Гончар кивнул, он был в комнате один, сидел в кресле и тупо разглядывал мыски своих ботинок. Оперативник ушел, диван был пуст. Только несколько кровавых пятен на светлом покрывале, на мягкой подушке золотая цепочка с кулоном в виде сердечка.

Стас хотел задать вопрос, но не решился. Он вышел на балкон, внизу горел всего один тусклый фонарь, но кое-что можно было разглядеть. Женщина в синем платье лежала на земле возле кустов сирени, ноги вытянуты, руки на груди. Стас почувствовал легкое головокружение.

Глава 14

Борис стоял в спальне перед зеркалом шкафа и смотрел на свое отражение. Темно-серый костюм, голубая сорочка и бордовый галстук, – в общем и целом неплохо. Впечатление портят ботинки, поношенные, с острыми носами и старомодными пряжками. Галя сидела у туалетного столика и красила ногти, она не выспалась и пребывала в скверном настроении.

– К любовнице наряжаешься?

– Не совсем. Сегодня комиссия. Принимает концертную программу...

Галя не слышала, она оторвалась от своего занятия, глянула на него.

– Любовница в этом галстуке и пошлет тебя подальше. Впрочем, может быть, у нее нет художественного вкуса. И ей нравятся мужики в аляповатых галстуках. А-ля "не расстанусь с комсомолом". Кстати, откуда у тебя этот галстук?

– Купил в магазине "Подарки".

Глаза жены на секунду сделались глубокими и темными, словно два осенних омута.

– Так и поверила. С каких пор ты покупаешь себе галстуки?

– Про магазин "Подарки" я так сказал, от фонаря. Никогда не запоминаю такие мелочи. Наверное, сослуживцы на праздник подарили.

Он снял бордовый галстук и повязал тот, что получил в подарок от тещи: фирменный французский, синий в белый горошек. Вялая перебранка с женой и вся эта возня отняла более четверти часа. С утра Борис заказал по телефону черную "Волгу" с водителем. На ответственные мероприятия надо приезжать не своим ходом, а на служебной машине: чтобы коллеги чувствовали: в ЦК ВЛКСМ он не последний человек. Борис вышел из подъезда, сел на переднее сидение и назвал адрес Дворца культуры "Москвич" на Волгоградском проспекте.

В этом году пятьдесят пять лет, как комсомольской организации присвоили имя Ленина. По этому случаю состоится концерт в Кремлевском дворце съездов, его будут крутить по телевидению на весь Советский Союз, на страны социалистического лагеря. За этим концертом последует целая серия выступлений столичных артистов во всех крупных городах страны, даже за границей. Борис персонально отвечает за это мероприятие, между тем, программа еще окончательно не утверждена, сценарий сыроват.

Комиссия, в которую входят инспекторы ЦК КПСС, Московского и Московского областного комитетов партии, а также министерства культуры, внесли свои предложения, как сделать концерт еще более торжественным и зрелищным, уже прослушали и отобрали десяток исполнителей, но сегодня надо ждать новых дополнений и замечаний.

* * *

Он опоздал всего на несколько минут, но ждать его не захотели, уже начали. Верхний свет погасили, освещена была только сцена. Он прошел вдоль первого ряда, шепотом здороваясь. Почти все места оказались заняты, пришлось довольствоваться крайним местом во втором ряду рядом с проходом. На эстраде у микрофона стоял немолодой человек в черном костюме, черном галстуке и с красным революционным бантом, пришпиленным булавкой к лацкану пиджака. Он завел руки за спину, наклонился к микрофону и нараспев читал стихотворение "Встреча с Лениным".

Чтец закончил, отошел в сторону, стал ждать, что скажут члены комиссии. Из первого ряда поднялся и встал лицом к залу маленький человек в белой рубашке с блокнотом в руках, некто Павлов, инструктор Центрального комитета партии. У него были густые брови и темные глазенки буравчики.

– Какие будут предложения или замечания? – он обвел настороженным взглядом лица людей и, шурша листками блокнота, сам ответил. – Мы этого чтеца прошлый раз заслушали. Попросили подобрать другое стихотворение. То было очень длинным. На этот раз лучше, выразительнее, но... Все равно плохо. Нет молодого задора, энергии. Огонька нет. Почему стихотворение о Ленине читает старик? Должен выйти молодой человек, а не старик какой-то. И прочитать... Так и так, я пришел на встречу с Лениным... И Владимир Ильич сказал, дал наказ... Как жить и работать, как строить коммунизм. И далее по тексту, ну, какие там Ильич дал указания. А тут выходит какой-то старик... Что он вообще делает на комсомольском мероприятии? Это же не съезд ветеранов, честное слово... Это не вечер приятных воспоминаний. Этот номер надо убирать. Где режиссер?

Поднялась главный режиссер, некая Марина. Миловидная блондинка лет тридцати пяти, похожая на овечку с большим бюстом и тонкой талией. Она одевалась по принципу: ничего лишнего. Кофточка в обтяжку и облегающая юбка подчеркивали шикарные формы. Марина волновалась, говорила сбивчиво, щеки огнем горели. Отводила назад плечи и выпячивала грудь, которая начиналась от самой шеи. Мужчины вглядывались в ее невинное личико, стогрели от вожделения и думали, что Марина сущий ангел. Женщины завидовали и про себя называли ее шлюхой, которая сделала карьеру, затаскивая в кровать важных похотливых козлов. Всех, без разбора.

Марина сказала, что чтеца убрать нельзя, он будет декламировать стихотворение в то время, когда закроют занавес. Это минуты четыре, – столько уйдет, чтобы поменять декорации и освещение. Одновременно за занавесом выходит и строится рядами детский хор, нужно время, чтобы дети правильно встали. Поэтому без чтеца никак... Кстати, это не рядовой чтец, а заслуженный деятель искусств, народный артист республики Нил Никаноров. У него огромный опыт, он уже четверть века декламирует стихи о коммунистической партии и о товарище Ленине.

– Только не надо Лениным прикрываться, – махнул блокнотом Павлов и, сделав волевое усилие, отвел взгляд от бюста Марины. – Читает он... И нехай с ним. Я говорю, что старому старику нечего делать на комсомольском мероприятии. Перед чтецом мы смотрели танцевальный номер. Вот там "Яблочко" плясал революционный матрос. Он еще не переделся? Пусть выйдет на сцену.

На сцене появился танцор из театра оперетты, одетый в матросский бушлат, бескозырку и широкие клеши.

– Вот, пожалуйста, – революционный матрос, – сказал Павлов. – Приятно посмотреть на человека. Повернитесь пожалуйста. Очень хорошо. Вот такой парень, должен читать стихи. А вы старика привели. Давайте так: номер со стихом оставляем, но нужен молодой горячий парень.

Чтец стоял на сцене с краю, прислушивался, смотрел в сторону, делая вид, будто разговор не о нем. Павлов махнул рукой чтецу.

– Вы уходите уже. С вами вопрос решен. Идите... Кто у нас следующий? Кобзон? Иосиф Давыдович? Очень хорошо.

Кобзон вышел на сцену, – шаг твердый, энергичный, – встал у микрофона, поклонился комиссии, заиграла музыка. Он спел две песни, снова поклонился и ушел. Павлов поднялся и сказал, что с Кобзоном вопрос ясен, песни хорошие, патристические. Репертуар идейно выдержан. Лично он за то, чтобы Иосифа Давыдовича одобрить, в прошлый раз всем понравилось, и сейчас, можно сказать, – певец работает над репертуаром, растет в профессиональном плане. Надо одобрить выступление и утвердить его. Прямо сердце защемило, когда услышал: "И Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди".

Следом поднялся мужчина с дряблой шеей, болезненно бледным лицом, похожим на ноль, и серыми губами. Борис вспомнил, что этот, кажется, инструктор ЦК партии по фами-

лии Миронюк или что-то в этом роде. Миронюк сказал, что не надо торопиться с одобрением песен, с этим всегда успеем, поспешишь, – людей насмешишь. В случае чего можно еще раз собраться. Репертуар вроде бы неплохой, но личность самого исполнителя, к большому сожалению, вызывает вопросы, – и весьма серьезные. Не договорил до конца, – замолчал, поджал серые губы и сел.

Глава 15

Борис вспомнил, что прошлый раз, когда собиралась комиссия, во время обеда этот Миронюк как бы между прочим, выбрав минуту между борщом и котлетами, завел разговор о Кобзоне. Сказал, что об этом исполнителе был разговор на самом верху. Вроде бы на словах, Кобзон за коммунизм и советскую власть, а на деле... А на деле, черт знает что за человек, – скользкий как уж. Славой обласкан, пластинки выходят одна за другой, – хоть никто их и не покупает, лежат на складах пачками. И по радио день и ночь его песни крутят про коммунизм и Ленина, и на праздничных концертах выступить предлагают. Деньги рекой льются. Самый богатый артист в Советском Союзе.

А ему все мало. Ходит по частным домам, в гости к богатым евреям. Поет им старинные песни на идише, а те ему платят огромные деньги за выступления. Иные, кто собрались с концами в Израиль, оставляют не только деньги, но и подлинники известных живописцев, бриллианты, золото – килограммами. Им все равно не дают ценности в Израиль вывезти, так пусть хорошему человеку достанутся. А тот берет, и все ему мало, все никак не нажрется...

Наверху такое мнение, что надо с ним как-то решать. Или пусть подобру-поздорову отправляется на историческую родину или, но если уж захочет здесь остаться, – пусть ведет себя как советский человек, как народный артист, а не лавочник, не еврей процентщик из ломбарда. Борис подумал, что Кобзона из программы могут запросто убрать. Нужна замена, но кого вместо него поставить? Магомаева? У него репертуар не тот, лирика в основном. А с новыми песнями уже возиться некогда, до первого концерта времени немного. Тогда кого? Юрия Гуляева? Или Эдуарда Хиля? Последний не годится, – опять не тот репертуар, лирик. Он обвел в кружок Юрия Гуляева, пожалуй, этот подойдет.

Борис раскрыл блокнот, записал кое-что для памяти. Тут подскочил Павлов, и повторил то, что сказал Миронюк. Что одобрять или нет Кобзона, – еще большой вопрос. Надо для начала повнимательнее приглядеться к этому исполнителю, а уж потом принимать решения. А то на словах все за советскую власть, а на деле... Видно, на прошлом обеде Павлов не присутствовал или сидел далеко, не слышал, что говорят старшие товарищи.

Приступили к просмотру самой ответственной, финальной части концерта. Перед началом режиссер объяснила, что большой детский хор поет три песни. Во время последней, на сцену выходит танцевальная группа: дети в пионерских галстуках, а за ними юноши и девушки лет двадцати – это комсомольцы. Взрослые передают детям красные флажки. На самом деле это не просто флажки, а своеобразная эстафетная палочка, как бы эстафета поколений. Мол, вы, дети, приходите на смену нам, взрослым, и эта связь, эта нить, эта эстафета, – она неразрывна, потому что объединяет людей разных возрастов, в единый советский народ, который идет к своей главной цели, – коммунизму.

Чтобы зрителю было все понятно, все эти иносказания с флажками и передачей эстафеты, хор поет: "Пионеры, пионерия, недаром мы Ленина внуки. Эстафету поколения мы примем в надежные руки". Режиссер так разволновалась, что еще сильнее стала отводить назад плечи и выпячивать бюст, поворачивая его для лучшего обзора слева направо и наоборот. Голос сел, Марина заговорила таинственным густым шепотом. По ее мнению, – надо донести до зрителя главную мысль – о неразрывной связи поколений, строителей коммунизма. Связи партии, комсомола и юных пионеров.

В нужный момент Борис поднялся.

– Разрешите, я это покажу, – сказал он.

Члены комиссии, сидевшие в первом ряду, обернулись. Чтобы не говорить откуда-то сзади из-за чужих спин, Борис вышел вперед, поднялся на сцену, остановился у микрофона.

Он почувствовал волнение, хотя этот номер, этот его выход на сцену и все дальнейшие действия, они с Мариной и с артистами репетировали раз десять, не меньше.

– Я покажу... Тем более замысел режиссера уже согласован с ЦК ВЛКСМ. Никаких значительных изменений нет. Мы лишь слегка переделаем финал концерта. Усилим его...

Свет софитов резал глаза. Людей, сидящих в первом ряду, он уже не видел, только темную пустоту большого зала. Борис повернулся назад, заметил в глубине сцены детей в нарядных платьях и костюмчиках, с красными пионерскими галстуками на груди и с искусственными цветами в руках. Несколько мальчишек с пионерскими барабанами и горнами. Эта младшая танцевальная группа хореографического училища. Он дал сигнал, махнув рукой, отошел в сторону. Заиграла музыка, свет сделался ярче, дети приблизились к рампе, за ними высыпали подростки лет шестнадцати с комсомольскими значками и бумажными цветами. Грянул марш "Возрождение", дети и юноши взяли за руки, стали шагать на месте, высоко поднимая колени и по-солдатски печатая шаг.

Одна мелодия сменила другую, музыка сделалась громче. Дети и юноши, шагая на месте, соединили руки над головой, подняли и опустили. Мальчишки ударили в барабаны. Вышли, встали за спинами детей вполне взрослые дяди и тети, одетые в белые рубашки и голубые комбинезоны на бретельках, подпоясанные блестящими поясами, на головах – синие пилотки. По задумке – это молодые рабочие, строители коммунизма, но сейчас они, чистенькие и свежие, больше похожи на бортпроводников международных рейсов. Молодые люди махали букетиками цветов, маршировали и улыбались.

Появился певец Лев Лещенко, торжественный, в темно-синей тройке и лаковых туфлях. Стройный, малопьющий, – не даром в прошлом году премию Ленинского комсомола получил. Его бархатный баритон завораживал, а взгляд, устремленный куда-то в даль, за невидимый горизонт, казался твердым и романтичным:

– Если снова грянут громы, позови меня труба.
Комсомол не просто возраст, комсомол моя судьба...

Сверху посыпалось конфетти. Голос певца окреп. Юноши и девушки затопали так, что поднялась пыль, а деревянный настил сцены стал мелко подрагивать. Руки с цветами взлетели вверх, свет замигал разными цветами. Песня закончилась. Молодые люди принялись хором скандировать три слова: Ленин, партия, комсомол. За сценой заработали два больших, почти в рост человека вентилятора, такие применяют в кино, на съемочных площадках, когда нужно показать порывы ветра или даже ураган. Потoki воздуха подхватили и подняли вверх конфетти, лица строителей коммунизма, подставленные ветру, выглядели живо, мужественно. Молодые люди маршировали, махали цветами, скандировали "Ленин, партия, ком – со – мол" с таким искренним чувством, что членам комиссии не сиделось на месте. Они елозили в креслах и беззвучно шевелили губами: Ленин, партия, ком – со – мол...

Но вот музыка смолкла, яркий свет убрали, певец и юные танцоры ушли. Борис спустился вниз и занял свое место во втором ряду. Финал концерта смотрелся красиво, динамично, действие было наполнено смыслом. Члены комиссии, видимо, готовились целый день, до самого вечера, обсасывать каждого исполнителя, каждую ноту, каждое слово. А тут им предъявили качественную продукцию, идеологически правильную, и трудно что-то изменить, да и нужды в этом нет. Все сделано на высоком идейно-политическом уровне, даже выше.

Поднялся председатель комиссии Феликс Сазонов, такой гладенький, прилизанный мужчина, с черными усиками, похожий на эстрадного конферансье:

– Ну, удивили, комсомольцы, – выдохнул он. – Одно слово – молодцы... Все хорошо. Но есть замечание. Всего одно. На сцену выходят танцоры, одетые в комбинезоны. Красивые парни и девушки. А почему бы нам к артистам не добавить реальных комсомольцев. Парочку

строителей, парочку заводских рабочих, сельских девчонок. Чтобы симпатичные, статные... Из интеллигенции тоже надо. Ну, тут я подумал. Сам могу рекомендовать достойного кандидата. Вот Борис пусть и выйдет. Образцовый работник, семьянин, служил в армии, работал в уголовном розыске. Сейчас на высокой комсомольской работе в ЦК ВЛКСМ. На таких парней надо равняться. На них комсомол держится. А какой красавец, любому артисту сто очков форы даст.

Какая-то старушка, – ответственный работник Министерства культуры, – оглянулась назад, улыбалась Борису, затрясла кулаком с поднятым кверху большим пальцем. Вокруг ее тонкой шеи почему-то был повязан красный пионерский галстук.

– И пусть выходит, – сказала она. – Это хорошая идея. А мальчик и вправду красивый... Ой, красивый. Ты женат? А то в миг женим.

– Он женат, – живо отозвался Сазонов, решив, что старушка свернула куда-то не туда. – Женат на очень хорошей женщине. Кстати, кандидате наук. И вообще... Не надо захваливать молодого человека. А то он зазнается.

– Вот бы таких парней – побольше, – сказала старушка. – С первого взгляда видно: настоящий комсомолец... Молодец, Боря. Так держать.

Глава 16

С утра Гончар продиктовал пару писем стенографистке, прочитал несколько документов, поступивших из Ленинграда и Новосибирска, а затем пересел на кожаный диван и съел полпачки песочного печенья "Юбилейное", полученного накануне в продуктовом заказе, выпил чашку растворимого кофе, не имевшего запаха. К тому же кофе кислил, будто в него добавили лимон. Гончар остался доволен завтраком. Он закурил и стал наблюдать за Стасом Лыковым, тот сидел за столом у окна и, низко согнувшись, читал бумаги.

– Мы получили ответ из города Шостка Сумской области, – сказал Гончар. – Это на Украине. Там делают фото и киноплёнку. Наша негативная плёнка сделана на этом самом комбинате "Свема". Плёнка довольно редкая, негативная, черно-белая, 320 единиц. Ещё они пишут, что она для фотографов, которые снимают в помещениях при лампах накаливания. Партия небольшая. Вся отгружена в Москву в январе и феврале текущего года. Слышишь – только в Москву. Это уже кое-что. И была реализована через розничную сеть с февраля по май месяц. Далее список магазинов, куда поступил товар. Больше половины плёнки было продано через магазин "Юпитер" на Новом Арбате.

– Выходит, все опять сходится на Москве? – Лыков улыбнулся.

– Теоретически можно допустить, что плёнку купил гость столицы. Но так ли много в Москве зимой проезжего люда или туристов, которые ищут негативную плёнку? Надо посмотреть расширенные списки всех людей, имевших хоть какое-то отношение в проекте 941. Инженеров, конструкторов, их родственников и знакомых. Внимательно проверить, кто из них с февраля по март текущего года был в Москве. Этим займутся оперативники на местах: в Северодвинские, Миассе и Ленинграде. Я сейчас же составлю запросы. Пусть работают.

– Да, это отличная идея...

– Ты очень занят? – спросил Гончар и не дожидаясь ответа, продолжил. – Нужно кое-что выяснить, и срочно. Скоро мы получим новые данные на Шубина, его семью и друзей. И ближайшие пару дней будем читать художественную литературу, которую накропали писатели из девятого управления. Пока есть немного времени, работы ещё не подвалило, хочу, чтобы ты сделал вот что. В сумке иностранца нашли ремешок от наручных часов. Широкий, такие сейчас в моде. Не новый, но в хорошем состоянии. Значит, Нил где-то поменял этот ремешок. Самому выполнить такую манипуляцию затруднительно. Нужно хорошее зрение. А зрение у Нила так себе. Он шурится, иногда надевает очки. В Ленинграде он этого сделать не мог, там его днем и ночью опекали чекисты. А в Москве он дважды куда-то пропадал из гостиницы часа на два-три... Это было одиннадцатого и двенадцатого июня во второй половине дня.

Гончар вытащил из ящика стола коричневый ремешок из лакированной кожи и протянул Стасу. Тот повертел ремешок в руках и сказал:

– Ремешок можно запросто самому поменять. Даже человек с плохим зрением справится.

– Пойми, менталитет у западного человека другой. Русский сам делает. Американцу это в голову не придет. Он зайдет в ремонт часов. И там эту работу выполнит мастер.

– Ну, сменил человек ремешок. Что тут подозрительного?

– Менять почти новый ремешок на другой – глупо. И странное место Нил для этого нашел – Москву. Здесь не лучший сервис, – мягко говоря. И выбор этих ремешков – скудный, нищенский. Он не знал, где здесь эти мастерские, значит, искал их. Для чего? Сменить шило на мыло? Короче, разберись с этим вопросом. Хочу понять: почему Нил это сделал.

Для начала Стас получил справку из информационного центра КГБ. От гостиницы "Минск" на расстоянии до сорока минут ходьбы, – дальше по времени не получается, – четыре мастерских по ремонту часов. Вряд ли Нил брал такси, чтобы добраться до одной из них. Он знает всего два десятка русских слов, объясниться с водителем, – целая проблема. Из гости-

ницы Нил отлучался приблизительно около четырнадцати часов, в это время на улице Горького слишком много народу, такси не поймать. Что ж, значит, он шел пешком. Для начала надо заглянуть в ближние мастерские.

Лыков вызвал служебную машину, побывал по трем адресам, поговорил с приемщиками и мастерами, работавшими одиннадцатого и двенадцатого июня. Показал им фотографии Нила, но никто американца не узнал. На приемке уверенно отвечали, что этот человек не приходил, иначе его бы наверняка запомнили.

Лыков приказал водителю вернуться к гостинице "Минск", здесь он отпустил машину, решив прогуляться. Он дошел пешком до Пушкинской площади, спустился по бульвару к улице Герцена и оказался возле старого двухэтажного дома грязно-серого цвета. Вошел в крошечное душное помещение, за деревянной стойкой сидел мужчина лет сорока в синем рабочем халате, он пил чай и читал газету "Советский спорт". Лыков предъявил служебное удостоверение, вытащил три фотографии Нила и положил на прилавок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.